

КБ 1200267

МОЛОДЫЕ
ЛИТЕРАТОРЫ
ВОЛОГОДЧИНЫ

ВЛАДИМИР
КУДРЯВЦЕВ

В Е Н Ц Ы

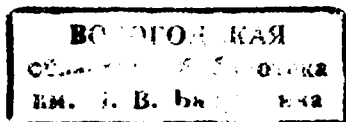
ВЛАДИМИР
КУДРЯВЦЕВ

В Е Н Ц Ы

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМА

К 1200267

КИФ «Вестник»
Вологда
1992

PC
K88

+ КР + КМ

Художник Э. Фролов

ISBN 5-900304-03-5

© КИФ «Вестник»,
Вологда, 1992

Развитие литературного дарования Владимира Кудрявцева идет неторопливо и естественно. За его плечами уже две книжки стихов, напечатанных в коллективных сборниках. Наконец, выходит большая самостоятельная и серьезная книга, которую автор точно и ёмко назвал «Венцы». Что ж, он имеет полное право так её назвать, потому что давно и основательно кладет добротные поэтические венцы в основание задуманного дома, где читателю живется и тепло, и тревожно, как на всей нашей многострадальной земле.

Первый раздел почти целиком посвящён отчету краю, детству в нем, становлению, мужанию и пониманию своего места в этом непростом и суровом мире.

Многозначительно звучит заключительная строфа заглавного стихотворения:

Сошло в работе
Сто потов.
И вот смотрите —
Дом готов!
Он — как игрушка!
И понял я уже потом,
Какое счастье
Строить дом,
Живя в избушке...

Эти стихи сразу настраивают на философский лад, призывают понять боль и радость автора, рождают чувство доверия к нему. Кстати, сопереживание и доверие сопровождают читающего книгу Кудрявцева на всем пути. А это — в наше беспощадное время — немаловажно.

Владимир Кудрявцев не только хорошо знает крестьянский быт, но и болеет им, старается облегчить теплым словом участь односельчан. В поэтическом характере его нет резких черт, он преимущественно мягок и доброжелателен. Лично мне кажется, что поэт в чем-то обкрадывает себя, не полностью раскрывая сложность человеческой природы, которая не может довольствоваться только незлобностью и добро-

душием. Тем более, жизнь толкает к более жёстким словам и поступкам. Правда, последние стихи Владимира Кудрявцева вселяют уверенность, что он успешно преодолевает собственную инерцию. Появились и явно зазвучали гражданские строгие интонации, определилась и отстоялась авторская позиция — мужественного человека, патриота, борца.

Если в ранних вещах, в период становления Кудрявцева, весьма ощутимо было воздействие на него поэзии Н. М. Рубцова (что вполне объяснимо), то сегодня автор находит в себе мужество решительно отказаться от самых дорогих поэтических веяний, потому что понимает: поэт становится самобытным явлением в единственном случае — когда обретает собственный голос.

Думаю, последние работы Владимира Кудрявцева дают возможность говорить о таком обретении.

Виктор Коротаев.

ВЕНЕЦ ПЕРВЫЙ

МЫ РУБИМ ДОМ

Мы рубим дом. Живем в избушке.

От сажи черные подушки.

Кладу под вечер в печку дров,

Чтоб дымом выгнать комаров.

Не жизнь — а мука!

Дед спросит в шутку: «Что сердит?»

Он всем без устали твердит,

Что дом — для внука.

На стеклах бьются комары.

Звенят, сверкая, топоры.

Трудна наука!

Хожу весь день я сам не свой.

Мальчишки бегают гурьбой.

Не лето — скука!

Мы рубим дом. В смоле ладони.

Я крашу кистью подоконник.

Сажусь усталый на порог,

Вытряхиваю из сапог

Опилки-стружки.

Сошло в работе сто потов.

И вот смотрите — дом готов.

Он — как игрушка!

И понял я уже потом,

Какое счастье строить дом,

Живя в избушке.

ЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

Трещит подтопок, разгораясь.
И слышно мне, как за окном
Метель, как будто бы живая,
Обнюхивает шумно дом.
В хлеву тревожатся овечки.
Гудят промерзшие столбы.
А мы сидим вдвоем у печки
Под завывание трубы.
На стеклах темь
Чернее сажи.
С полатей оседает пыль.
Словами дед
То сказку вяжет,
То тихо рассказывает быль.
О страшных битвах и раздорах.
О сказочных богатырях.
О людях злых и людях добрых,
О мужиках и о царях.
И оживают в днях вчерашних
Как будто дедовы дела...
— Была деревня тут, как наша,
Вблизи от Домнина села,
Укрытая от глаз лесами.
А что водилось в них зверья!
Вот в ней и жил Иван Сусанин,
Ну, вот такой, поди, как я...
Дед приосанился для виду.
Подбросил в печь поленце дров.
— Любил он Русь
И ненавидел...
— Кого, дедуленька?
— Врагов!

— Врагов?

— Врагов, родной!

Их столько

На долю выпадало нам,

Что вспоминать об этом горько,

Да мы врагам не по зубам!

Их и теперь у нас немало...

Дед, как в охапку, сгреб меня.

Под лавкой что-то зашуршало.

Взвыл ветер, стеклами звеня.

Стрекнули искрами поленья.

Вздыхнул теленок в тишине.

И тени, словно привиденья,

Зашевелились на стене.

— Дед, за обоями-то мыши?

— Они, поди ж,

Да ты не трусь.

Я расскажу тебе,

Ты слышишь?

Как бились прадеды за Русь...

А было это все давненько,

Но и поныне говорят,

Как в ту глухую деревеньку

Ворвался вражеский отряд.

Он долго путался лесами.

А сбиться долго ли с пути!

Нашли избу, где жил Сусанин,

И вот велят ему вести

До Костромы.

То старый город.

В Епатьевском монастыре

Скрывался русский царь в ту пору,

Живя в монашеском дворе.

— И что повел он их,

Дедуля?

— До Костромы ходьбы — полдня.
Повел их к лесу.
Да к тому ли?
Ты вот об чем спроси меня.
Завел их в топь —
Назад нет ходу!
Вот так, сынок, погиб герой.
Через века
От рода к роду
Он шел,
Чтоб встретиться с тобой.
— Со мной?
— С тобой,
Чтоб знал ты смалу,
Как Русь на врагов вставала.
Да ты не спишь ли?..
— Нет, не сплю.
— Ну полезай под одеяло,
Я только печь пошевелю..
За окнами гудят метели.
Тепло у деда на руке.
Во сне иль наяву слетелись
Зимою лебеди к реке.
И пробирается лесами
На свет дрожащего огня
Такой, как дед,—
Иван Сусанин,
Зовя по имени меня.
— Э-гей! — кричит.
А эхо гулко.
И я бегу к нему, бегу
Из занесенного заулка,
И верю, верю —
Помогу!

* * *

Страницы древних книг листая,
Как летописец — при луне,
Взрослею я, и вырастает
Пространство прошлого во мне.

Я будто слышу в зимний вечер,
Как оживают в наши дни
Разноязыкие наречья
Моей бесчисленной родни.

Во мне живет, как ропот, глухо
Тот голос, тающий во мгле,
Родных по крови и по духу
Людей, прошедших по земле.

Мастеровых людей, дотошных...
И тем уж счастлив в мире жить,
Что между будущим и прошлым
Я — как связующая нить.

* * *

Растопленный, как масло, свет
Разлит и пахнет пирогами.
Осенний день. Мне восемь лет,
А я уже помощник маме.

Я помогаю ей всерьез.
И хоть лопата не по росту,
Я так старательно навоз
Кидаю в теплую бороздку.

Уже смеркается в саду.
Жаль, не увидят на деревне,
Как рядом с мамой я пойду
Домой в хорошем настроенье.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Бегу двором. В войну играю.
На прутике скачу верхом.
Ворон растрепанная стая,
Как пепел, падает на холм.

В заулке дед. Он выпил лишку.
Молчит, смахнув слезу рукой.
И ничего, что я мальчишка,
Я понимаю — день такой.

— Такое дело, внук,— Победа...—
Он скажет, всматриваясь в даль.
Я так горжусь, что есть у деда
На старом кителе медаль.

Какой-то свет особый в доме.
Наверно, он — от седины.
И ничего не надо, кроме
Вот этой светлой тишины.

Когда над полем месяц тонкий,
Как первенец весенних гроз.
А мать братишкины пеленки
Развешивает меж берез...

В СЕНОКОС

— Дай Бог, к обеду распогодится...
Вздохнула бабушка в кути.—
Мать-пресвятая Богородица!
Спаси нас, грешных, и прости.

Обтерла тряпкой листья фикуса.
Потом, на лоб надвинув плат,
Вдруг на меня взглянула искося —
Как будто в чем-то виноват?

А это дождь, как гость непрошенный,
Свернул в ночи на огонек,
Когда в лугах трава накошена
Еще на первый только стог.

А был я верною подмогою.
У бабки слезы на глазах —
На небеса глядит с тревогою
И крестится на образа.

Я весь в догадках и сомнениях.
И впрямь — не я ли виноват,
Что у китайцев наводнение,
А на Кубани выпал град.

С кого за все худое спросится?
Как непогоду отвести?
Мать-пресвятая Богородица!
Спаси нас, грешных, и прости!..

* * *

С вечера подправлена коса.
Черный лес заволокли туманы.
Только слышно, как в ночи роса
Падает на ближние поляны.

Ты роси, роса, траву роси,
Чтоб коса, захлебываясь, пела.
Ты коси, коса, траву коси,
Чтоб роса от жара закипела.

Я свяжу из травушки узор,
Не какой-нибудь — ручной работы,
Чтоб зимой услышать запах зорь
И соленый — собственного пота.

Мамка в поле. За хозяйку
Шестилетняя Любаня.
Кормит куриц у сарайки,
С речки воду носит в баню.

Ах ты, Любушка-Любаша!
Заплела сама косички,
В пересоленную кашу
Подлила чуть-чуть водички.

На руках твоих братишка —
Надоедливый, проворный —
Он, как юркий воробышка,
У цыплят таскает зерна.

Ты до мамки в огороде
Все приделаешь любовно.
И зовут тебя в народе,
Как больших — Любовь Петровна.

СИВКА-БУРКА

Сивка-Бурка, встань передо мной!
И копытами ударь по травам.
За меня не бойся — под луной.
Мне во весь опор скакать по нраву.

Полетим за тридевять земель
В дикий лес, где сумрачно и глухо,
Где избушка, а в избушке дверь,
За которой пахнет русским духом.

Где живет еще старик седой.
И забрасывает невод в море.
Мы поскачем за живой водой
Для отца — он так угрюм и болен.

Верю я — вода живая есть!
Что же ты молчишь, мой конь хороший?
...У пруда, в котором звезд не счесть,
Глажу я стреноженную лошадь.

1200267

ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ

На сто верст вокруг зима.
В инее стоят деревья.
Тенью ломаной лыжня
Убегает от меня
Мимо брошенной деревни.
Занесенные дома.
Будто прячет их природа
От досужего народа,
Погрузив деревню в сон.
Нет ни выхода, ни входа
С четырех ее сторон.
Подхожу я
Чуть поближе.
Ни дороги. Ни людей.
На снегу следы зверей.
Но следы зимовья вижу.
На дрова развален двор.
На крыльце вода намерзла.
У крыльца хромые козла,
А под козлами топор.
И одна тропинка вьется
От порога до колодца.
...Дверь открыл,
А из дверей
В нос ударил запах щей.
Огляделся.
Дед на лавке
В брюках ватных без ремня.
С бородой и в камилавке.
Смотрит, щурясь, на меня.
Бабка шторку приоткрыла.
Кошка трется о сапог.

В красных отблесках шесток.
Бабка ложку уронила.
Вижу — стряпает пирог.
У мучного у лотка.
Любопытство в кротком взгляде.
Выбились из-под платка
Жидких кос седые пряди.
Как дрожит ее рука.
Пальцы вымазаны в тесте.
Не стоит — парит на месте,
Будто перышко, легка.
Дед кивнул —
— Жена-то — Крестья.
Скоро век,
А мы все вместе,
Все милуемся пока...
— Так вдвоем вы?
— Воля Божья,— буркнул дед.
И тишина.
— Мне уж сто,
Зато жена
Будет лет на семь моложе,
На ногу легка она...
— А не страшно ли одним?
— Дал бы только Бог погоды...
И запутался в бородке
Голубой табачный дым.
— Летом приезжай, сынок,
С нашим домом только беды.
Может, чем бы и помог...
— Хорошо,— сказал,— приеду...
— Дай тебе здоровья Бог!
Не приехал. И теперь
По ночам, когда метель
Под окном гудит и воет,

Я боюсь — вот дверь открою! —
Бабка встанет на порог,
Спросит:
— Что ж ты не помог?
Сынок!..

УЕЗЖАЙ!

Уезжай! Мы как-нибудь одни
Скоротаем век — нам не до моды.
Да и посуди — у нас родни
Поубавилось за эти годы.

Уезжай, родимый, не жалея.
Здесь у нас — ни отдыха, ни денег...
Провожают в город сыновей
Матери из дальних деревенок.

Уезжай, родимый, Бог с тобой!
Уезжай! Живи себе в угоду...

Сколько ж нас, обманутых судьбой,
В городах — без племени, без роду?!

Не искушай меня свободой.
И не сули небесных благ.
Здесь, на земле, среди народа
Я проживу, поверь, и так.

Чужие боги ныне в моде.
Бесстыдство чувств,
Разгул страстей.
А я, как прежде, несвободен
Ни от врагов, ни от друзей.

А я останусь неподсуден.
Живу, страдая и любя.
Ведь жизнь одна — другой не будет
Ни у меня, ни у тебя...

Здравствуй, дед! Вернулся я опять
Из ключа воды живой напиться.
Не за тем, чтоб заново начать
Жизнь свою, не прошлому молиться.

Мало ль перепахано борозд.
Сколько новых выстрадано песен.
Вот и здесь, роняя искры звезд,
Ночь кует достойный века месяц.

Вот и здесь, среди глухих болот,
По-иному чувствуют и мыслят.
И урчит в избе водопровод,
И пылится, горбясь, коромысло.

И подумать боязно, поверь.
Вдруг и здесь душой не отогреться?
Замирая, открываю дверь
В кладовые юности и детства.

Не за тем, чтоб заново начать
Жизнь свою, не прошлому молиться.
Мне бы то, что прожито, понять
И с пути-дороженьки не сбиться.

НА РОДИНЕ

Надрываясь, воеет грузовик.

— Подсобил бы, парень?

— Подсобляю...

Ко всему я, кажется, привык

Ничему и здесь не удивляюсь.

Веселее стало на душе.

Снял ботинки. Закатал штанины.

— Ну, поддай,— кричу,— кажись, уже
Выезжаем!

Задымились шины!

Думы невеселые мои

Растрепала ветреная осень.

У тропы пружинят воробьи,

Потроша тяжелые колосья.

Выехали! А потом еще

Разгрузили с бревнами машину.

И старался подставлять плечо

Я под комель, а не под вершину...

ПРИГОРОДНЫЙ ПОЕЗД

Трясутся лениво и сонно
С табличками «Вологда — Буй»
Четыре потертых вагона.
И коли ты сел — не горюй...

Стучат монотонно колеса.
Тут не до высоких идей.
Я еду — какие вопросы! —
В купе среди русских людей.

В вагоне угарно и шумно.
И слушаю — коль не у дел.
— Какой он был дельный и умный,
И на вот — от водки сгорел...

Бурлит, освещая дорогу,
Знакомый распев говорка.
— Как свадьба прошла?
— Слава Богу!..
— Жених-то откуда?
— С Борка...

Бегут от прогона к прогону
И в дождь, и в жару, и в мороз
Четыре потертых вагона
Счастливых и горестных слез,

Печали российской и грусти...
И как им ни трудно — всегда
В пути с уважением пропустят
Летающие в даль поезда.

Не скорый, идущий в загранку,
А он подбирает пока
На каждом лесном полустанке
Старушку и мужика.

Все знают его расписание.
И сам я у красных перил
Ему, выходя, на прощанье
Желаю здоровья и сил.

* * *

Опять вокзал.
И подан поезд.
И снова с домом рвется связь.
Я лег на полку, успокоясь
И даже не перекрестясь.

Вот проводник защелкнул двери.
И я задумался всерьез —
Что мы в надежность больше верим
Не человека, а колес...

В КОМАНДИРОВКЕ

Опять я, гонимый судьбою,
Сиж у чужого огня.
Царапает кошка обои
И робко глядит на меня.

На крыше протяжно и глухо
Метель завывает в трубе.
Хлопочут старик со старухой
В натопленной жарко избе.

Гремят чугунами, посудой.
Уж, дескать, что есть — не взыщи...
Хлебаем из общего блюда
Горячие кислые щи.

Кукушка охрипшая с криком
Забилась в часах — не уймешь.
— Эй, матка, а гость-то, гляди-ка,
На Мишу, на сына похож.

И — верно, похож — не на шутку,
Гляди-ка, гляди, ну и ну!
Улыбкой похож на Мишутку...
Погиб он под Курском в войну.

Слова долетали до слуха.
Метель завывала в трубе.
Шептались старик со старухой
О сыне. Войне. И судьбе.

Уснул я под замать метели.
В избе не гасили огня.
Я слышал сквозь сон, как глядели
Всю ночь старики на меня...

В ГОСТЯХ

Все как вчера.
Но сын — совсем жених!
И стол богат,
И пьем за все хорошее...
Но понял я,
Что в новой жизни их
Теперь я только
Человек из прошлого.

ОЖИДАНИЕ

Будет много хороших вестей.
У порога с усердием кошка
Намывает на радость гостей.
Не идут ли — взгляни из окошка.

Вот бы ты пирогов напекла!
Как бы ты дорогих угостила!
Я-то знаю — ты все бы могла,
Хоть давно ни здоровья, ни силы.

Так открой заповедный комод
И достань свою новую блузку.
Гости наши — веселый народ.
Мы их встретим с тобою по-русски.

Баньку я к вечерку натоплю.
Пусть с дороги распарятся кости.
Ты же знаешь — и сам я люблю,
Если в доме желанные гости.

Бабка Катя, родная моя!
Долгожданных попотчует с честью.
Может, едут к тебе сыновья,
От которых ни слуху, ни вести.

Много будет в избе новостей.
Чу! Собаки заходятся лаем.
Ну а если не встретим гостей,
Не горюй — мы одни погуляем!..

В КОНСТАНТИНОВЕ

Низкий дом. Береза у ворот.
В темных сенях запах сенокосный.
Гордо говорит экскурсовод
О России, покорившей космос.

Вижу мир, укрытый шушуном.
За порогом вижу жизнь другую.
Черные старушки под окном
Яблоками красными торгуют.

— Два рубля ведро — купи, сынок!..
И на фрукты в общем-то не падкий,
Покупаю — не купить не мог —
Велика ли пенсия солдатки?..

У твоих забылся у берез.
В синей дымке растворились дали.
Ты вчера себя не уберег.
Мы себя сегодня потеряли.

Мы теперь совсем уже не те.
И у нас в душе сомненья бродят.
Ищем мы спасенья в красоте
И в своем таинственном народе.

Жизнь идет. Кричит в саду петух.
С клена листья падают на землю.
И, стихи твои читая вслух,
Все люблю и все душой приемлю.

В ГОСТИНИЦЕ

Я не боюсь тебя нисколько,
Мороз рождественский,
Крепчай!
Сижу в гостинице Никольска
Один — завариваю чай.

Стена в разводах цвета тины.
А чай — на ужин и обед.
Пусть для веселья нет причины,
Но и для грусти тоже нет.

Есть номера и попросторней.
Переживу — ведь не на век.
Я не монах и не затворник —
Уставший просто человек.

Сижу, как в келье, —
Стол да койка.
И ни бумаги, ни пера.
Как сладко будет здесь и горько
Молчать и плакать до утра...

В ЗАГОРСКЕ

Голубые в звездах купола.
В черном одеянье прихожане.
Старых вера к храму привела,
Мы из любопытства приезжали.

Дым змеится над печной трубой.
Звоном завораживает вечер.
Купол, словно пламя над свечой,
Вздрагивает — это дышит вечность.

Здесь, у старых стен монастыря,
Где эпохи сталкивались лбами,
В сердце бьется — ощущаю я —
Жизнь моя, похожая на пламя.

В нем сгорели годы и века.
В нем и память рода, и смятение.
Даже дуновенье ветерка
Может оборвать его горенье.

Может пламя робкое задуть...
И в краю, где землю пашут люди,
Станет сиротливее чуть-чуть
Оттого, что в нем меня не будет.

Будет дым змеиться над трубой.
И вот так же в центре мирозданья
Вздрагнут, словно пламя над свечой,
Купола от моего дыханья...

У МОГИЛЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

На могиле под старыми липами
Ни креста, ни гранитной плиты.
На ветру шепчут листья молитвенно,
Бредят ливнем весенним цветы.

Не ряжусь я в одежды воителя,
Но и в темном не прячусь углу.
Вопреки наставленьям учителя
Я живу противлением злу.

В мире столько вражды и насилия.
В синем небе кричит воронье.
Но опять, оставаясь с Россиею,
Я, как в истину, верю в нее.

Живы мы на земле не молитвами.
Но не зря же, устав от ходьбы,
Вновь стою у могилы под липами,
Как на исповеди — у судьбы.

Знаем тайну коварного атома,
В черный космос врываемся, но,
Где зеленая палочка спрятана,
Нам, боюсь, разгадать не дано.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Пришел на поле Бородинское.
Я не был здесь ни разу, но
В какое б время ни родился я,
Судьба моя — Бородино.

Грачи кричат над полем вспаханным.
Ни облачка, ни ветерка.
И скирды желтыми папахами
Лежат у дальнего леска.

Смотрю на поле Бородинское
И думаю в который раз —
У той деревни, где родился я,
Оно такое же сейчас.

Оно такое же былинное.
И так же, как в краю родном,
Запахло сеном и малиною
У речки под Бородином.

Где в бой рвались ребята brave
И где они лежат теперь,
Как будто умереть со славою
Была единственная цель.

Будь рядом, славные солдатушки,
Я шел бы с вами заодно.
Но постоять за Русь за матушку
И мне судьбой отведено.

Смотрю на поле, думу думаю —
Какое ж надобно иметь
Мне сердце, — так любить страну мою
И так же с честью умереть?..

В СТАРОМ ПАРКЕ

Опять я брожу по аллее.
И так же, как в прошлом году,
Усадьба, как призрак, белеет
В заросшем дворянском саду.

Здесь старостью пахнет и детством.
Мы жили с размахом — и вот
Чужое спустили наследство.
Что нас, промотавшихся, ждет?

А липы у главного входа —
О как благородны они! —
Потомки старинного рода
Свой век доживают одни.

Волнуются гордые кроны,
Осенний теряя наряд.
Уже навсегда и вороны
Господский покинули сад.

Дожди вымывают коренья...
Да, сбили мы барскую спесь!
И в нашей душе запустенье
Такое же точно, как здесь.

В ДЕРЕВНЕ НИКОЛА

Долетают гудки теплохода.
На юру продувает насквозь.
Если б знал ты, как много народу
Нынче в гости к тебе собралось.

Не кривлю перед Богом душою.
Может быть, первый раз у берез
Показалась такою большою
Мне земля, на которой ты рос.

На земле этой с грустью и болью
Мне бы в грязь не ударить лицом —
За любовь расплатиться любовью,
За добро расплатиться добром...

* * *

Ты спрашиваешь — почему не сплю?
Нет-нет, не думай, что боюсь я грома.
И печь в избе не для себя топлю,
Топлю для тех, кто далеко от дома.

Для тех, в беду попавших, у кого
Уж нет надежды и на сердце смута.
Мне знать, поверь, достаточно того,
Что я могу еще помочь кому-то.

И нахожу я утешенье в том,
Когда гроза за окнами иль вьюга,
Что кто-то верит — есть на свете дом,
В котором печь натоплена для друга.

* * *

Жить легко не могу. Не умею.
Жить, отбросив и совесть, и стыд?
Оттого и сижу, и краснею
У пустых и разбитых корыт...

* * *

Весной хочу успеть к разливу рек.
И разделить их радость и свободу,
Когда сползает огрубевший снег
С крутых оврагов в пенистую воду.

Но приезжаю — сенокосу срок.
Висят, сверкая, косы у крылечка.
Ромашки запылились у дорог
И обмелела под горою речка.

Мне б осенью успеть на листопад,
Когда деревья на глазах желтеют.
Но я приеду снова невпопад
В надежде, что когда-нибудь успею...

• • •

Все решено — сойдет вода,
Уеду в самую глубинку,
Где в урожайные года
Носил из лесу голубику.

Пойду опять на сенокос.
В леса, на дальние поляны,
Где белый сумрак от берез
В душе излечивает раны.

И там, у светлых родников,
У ржавых безымянных речек,
Я буду слушать мужиков
Глубокомысленные речи.

И будет горестно до слез,
Когда случайно вдруг узнаю,
Что здесь меня уже всерьез
За своего не принимают...

Увижу во мгле огоньки
И вспомню невольно, как жили.
Веселые были деньки
И ночи безумные были!

По кочкам, ухабам и пням —
Какая нечистая сила? —
Под вечер к чужим деревням
Нас, юных и глупых, носила.

Ходили по мокрой траве,
От мук изнывая сердечных —
Ни страха в шальной голове,
Ни мысли о добром и вечном.

Но как будоражили кровь
Греховные запахи сена,
Когда мы узнали любовь
И первые в жизни измены.

О, сколько же минуло лет!
Но снова приводит в волненье
Вечерний таинственный свет
В домах незнакомой деревни.

Тихий вечер. Под окошком
Пахнет медом и травой.
Над прудом роятся мошки,
Комары — над головой.

Вот сижу на свежих бревнах,
Глаз кошу на сеновал.
И такое чувство, словно
Никуда не уезжал.

От пруда с зеленой тиной,
От крыльца с резным окном,
Словно не было причины
Покидать родимый дом.

Не гулял по белу свету,
Не пахал чужой земли.
Словно не было и нету
Жизни, прожитой вдали.

Словно мне приснилась только
Доли будущей канва.
Иль опять на ясной зорьке
Закружилась голова?

Земля, родная! Никуда не деться
Мне от тебя — не обессудь.
Ты мне всегда напоминаешь детство
И вечный в неизвестность путь.

Люблю твоё молчанье грозное.
Оно беду таит в себе.
Не потому ли скрыто роковое
У нас и в жизни, и в судьбе.

Опять осеннее пришло затишье.
Я вновь с тобой наедине.
Пятнадцать изб — и ни дымка над крышей,
Ни огонька в окне.

Ни человека.
Чувствую я кожей,
Кровь вспыхнула во мне огнем.
И как в душе моей — в природе тоже
До срока вызревает гром...

БЕЗЫМЯННАЯ ДЕРЕВНЯ

До чего ж ты, милая, убога!
Ни следа в тебе бывшей красы.
Лопухи у каждого порога,
Столько лет не знавшие косы.

Заросла околица кустами.
Вот они — следы большой беды! —
Избы с перебитыми хребтами,
В травах одичавшие сады.

В колеях расхристанных дорогах...
Но кого винить нам, если мы
Ни в себя не верили, ни в Бога,
Покидая древние холмы.

Чья ты, безымянная деревня?
Тишина. В кустах журчит река.
Как бездомные — стоят деревья,
Как чужие — в небе облака...

Рву кислые яблоки с веток.
В безлюдный забрел уголок.
Аукаю, но без ответа —
На Север, на Юг, на Восток.

Трава заглушила дорогу.
Вхожу по оврагу наверх,
Хромая на левую ногу,
С корзиной гнилых сыроег.

Трех уток заметил в осоке.
Наткнулся на ржавый насос.
И долго стоял у высоких
С развесистой кроной берез.

Какие-то странные чувства
Порой вызывали во мне
И листья, пропахшие дустом,
И лемех, прибитый к сосне,

Со старой скворечней деревья
И лава в кустах у реки.
...Здесь раньше стояла деревня
И жили мои земляки.

У ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

Зачем опять, тревожа память,
Молчу, пугаясь мертвой тьмы,
Где избы, брошенные нами,
Врастают бревнами в холмы.

Давно ли жил я в доме светлом.
Давно ль в краю холмов и гроз,
Мы, как птенцы, играя с ветром,
Без крика падали из гнезд.

Да, я ревнив к тому, что было.
И дико мне, что дом ничей.
Пускай высоко, но бескрыло
Растут дома из кирпичей.

Кто нас поймет и кто рассудит?
Но, может быть, у старых стен
Я через боль дойду до сути
Больших и малых перемен.

• • •

Утрясены в районе сводки.
Заплыли жижею мосты.
Как перевернутые щетки,
В полях топорщатся кусты.

Такая русская картина.
Колодезный у дома сруб.
У сруба — тонкая рябина,
Через дорогу — старый дуб.

И здесь, где омутные воды,—
Соединю навек в тиши
С большим безмолвием природы
Безмолвие своей души.

СЕЛЬСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Сельская площадь.
В заулке корова.
Флаг у правления,
Поднятый в честь
Механизатора Славки Седова,
Дальше размыто дождем —
Не прочесть.
У магазина
Привязана лошадь.
Бабки судачат в тени
Про житье.
Пусть и не Красная —
Сельская площадь,
Но по значенью
Не ниже ее.
Здесь без трибуны
В голодные годы
По директивам,
Идущим с Москвы,
Чести лишали
По воле народа,
По трибуналу —
И головы.
Видела площадь
Веселье и горе.
Пережила
Мировую войну.
И, защищая счастливую долю,
Не доедала,
Кормила страну.
Площадь почета.
Волнений и казни.

Скорбный свидетель
Побед и невзгод.
Так отчего же
Здесь даже на праздник
Не собирается нынче народ?
Столб посредине.
И словно по лугу
Здесь на веревке
Вперед и назад,
Как заводная,
Гуляет по кругу
Бабки Авдотьи
Хромая коза.
Сельская площадь —
Безлюдно и пыльно.
В мире — молчит,
И клокочет — в беду.
Выйду на центр,
Заволнуется сильно
Сердце в груди —
Поклонюсь и уйду.
Взмыли грачи
Над березовой рощей.
Село на изгородь
Воронье.
Пусть и не Красная —
Сельская площадь,
Но и державной
Не быть без нее!

* * *

Сторона ты моя, сторона.
Не любого заманишь на отдых.
А какая бывает луна!
И какие высокие звезды...
Потому я, храня и любя,
Все, что дорого сердцу и взору,
Умоляю остаться тебя
Недоступною порче и вору.
Насмотревшись заморских чудес,
Я теперь по-иному увидел
Отчий дом и деревни окрест
И забытую Богом обитель.
Я теперь понимаю вполне,
Города вспоминая и лица,
Что не будь этой веры во мне —
Лучше б мне и на свет не родиться...

И повалил под вечер снег
С дождем сентябрьским вперемежку.
Он, мой отмеривая век,
Еще одну поставил вешку.

Еще один прибавил год.
Не счастья год — утрат и горя.
О, если б все наоборот,
Тогда бы не о чем и спорить.

Вот снег идет, скорее — нет!
Он валится и тает в лужах.
И в нем еще не белый свет,
Не тот, какой сегодня нужен.

Снег не рассеивает тьму.
Не веселит, а злит прохожих.
И все равно я рад ему,
И он мне радуется тоже.

Он для меня предвестник той,
Той перемены самой главной,
Когда не грешник, а святой
Ударит в колокол державный.

А жизнь моя, как дом без кровли.
Я в нем и плотник, и печник.
И пусть я руки сбил до крови —
К работе черновой привык.

Я дом рублю на видном месте.
От деда мне наказ такой —
Все обустроить честь по чести
Не на чужой манер — на свой.

На свой — от сруба до отделки.
На свой — от окон до стропил.
Смогу ль, когда на переделки
Порой уходит столько сил?

* * *

День серый поздней осени.
Куда идти?
Вели меня и — бросили
На полпути.

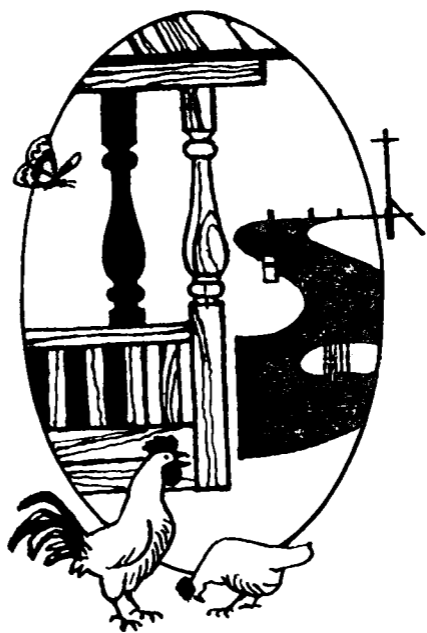
Опять в раздумье горестном —
В который раз!
Ушли, кто посноровистей,
Вперед — без нас.

Тревожное затишие
Вокруг меня.
Куда, не знаю, вышел я
На склоне дня.

Направо поле сжатое,
Налево — стог.
Стою без провожатого
У трех дорог...

ВЕНЕЦ ВТОРОЙ

* * *

Старый проселок. Иду не спеша.
И ни огней впереди, ни прохожих.
Тихая ночь. И чужая душа
Душу мою, окликая, тревожит.

Остановился. Вокруг тишина.
Даже листва на осинах не вздрогнет.
Только душа моя, только она
Чувствует душу живую дороги.

Путь коротая, свернул с большака.
Справа сарай — ни дверей, ни порога.
Слева, в низине, петляет река.
Русло ее повторяет дорога.

Сколько по ней проскрипело колес.
Сколько она на земле этой древней
Слышала песен и видела слез,
Соединяя людей и деревни.

Но никаких не осталось следов,
Кроме проселка, холмов и низины,
Кроме печей у заросших прудов
И догнивающих бревен овина.

Пруд у дороги. В осоке вода
Не шелохнется, тая в себе бездну.
Разве могло все уйти без следа?
Нет, не могло безвозвратно исчезнуть!

Мутное небо. Луна в облаках.
Влажен на травах настоящий воздух.
Словно вода, испарились века
И превратились в холодные звезды.

ПОДОРОЖНИКИ

Поэма

1

Иду по дороге...

Ручьи да овраги,
Часовни с обломками ржавых крестов.
Пробитые дробью дорожные знаки
Желтеют среди почерневших кустов.
В домах придорожных забиты окошки.
Упал на дорогу щербатый плетень.
Вдали, будто книжек потертых обложки,
Разбросаны крыши пустых деревень.
Я мысленно в них открываю страницы.
И в памяти вновь оживают они —
Такие простые и добрые лица,
Такие далекие
Близкие дни...

* *
*

Едет с ярмарки народ,
Кто чего домой везет,
Кто горшки с росписью,
Кто конфеты россыпью,
Кто гармонь, кто тяпки.
Ну а бабы — тряпки!
На душе легче,
Хвастаться есть чем!
За телегою иду,

Дед и мне купил дуду.
Я иду играю,
А про что — не знаю...
Тут взял гармонь
Круглов Андрей.
Метнул огонь
Из-под бровей.
Холеный чуб на лоб стряхнул
Про долю песню затянул.
— Ах, доля наша, долюшка,
Засеянное полюшко.
Как с девицей чужою
Обвенчан я с тобою.
Уехал в город старый друг.
А мой удел — коса да плуг.
Здесь колоски ядреные.
Там сорняки зеленые.
Душа моя широкая.
Беда — дорога узкая,—
Начнет Андрюха, окая,
А перейдет на русского...
А на него,
Укрывшись в тень,
Глядит краса всех деревень.
А всей красы-то
Две косы,
Да разве чуточку еще
Заворожит румянец щек
И все...
Скрипят меха.
Глядеть — гляди.
Но до греха
Не доводи.
А тут и дед с чекушкой.
Решился на частушки —

— Причешу бородку,
Пригляжу молодку.
Ухвачу поповну я
За места греховные.
На виду у всех
Пошутить не грех...
Тут вожжами бабка
Деда по лопаткам...
— Не смейся людей,
Старый дуралей.
В тебе ли толк!..
И дед умолк.
А рядом я босой иду.
И в кулачке держу дуду.
Дуда — из глины петушок.
И до чего мне хорошо!
И, разбегаясь из-под ног,
Ложатся тени вдоль дорог...
Река.
И слышен на селе
Скрип перегруженных телег.
И видно от Ивашева
Полкрыши дома нашего.
Увидев дом,
И дед вздохнет,
И как-то сразу оживет:
— Ну вот,
Дорога пройдена!
И скажет,
Пересилив хмель:
— Ох, ягода-смородина!
Будь хоть за тридевять земель,
А сердце здесь,
Где родина...

Люблю я раздумье
Далекой дороги,
Его задушевный
Негромкий настрой,
Когда позади
Все дела и тревоги,
Когда впереди
Только встреча
С тобой,
Родная земля!
Чу!

В овраге игриво
Речушка со дна
Подала голосок.
А выше,
В лощине,
Стоит сиротливо,
Укрытый клеенкой,
Взъерошенный стог.
Заросшее поле.
Здесь,
Горбясь за плугом,
Прокладывал дед
Борозду к борозде.
Ходила земля
Под ногами
То кругом,
То падала вниз,
То летела к звезде.
У этой межи
Отдыхал он —
Усталый.
Душой откликаясь

На плач журавлей.
И щедро земляца
Его награждала
Неиссякаемой
Силой своей.
Дед жив и поныне
Землей этой доброй...
И помню я, помню,—
Хоть было давно! —
Как в черном овине
Пригоршнями в ведра
Бросал, обжигаясь,
Сухое зерно.
И с радостью руки
Топил в нем по локоть.
А дед запыленный
Кричал мне:
— Держись!
Как будто стоял
Я тогда у истока
Реки
Под коротким названием —
Жизнь!..
Горят на столе пряженцы —
С пылу-жару!
А запах!
А вкус!
Не подыщешь слова.
А если уж дед говорил,
То не даром,
Что хлебушко в жизни —
Всею голова!
И как осторожно
Сукрой за сукром
Он ломоть срезал,

Замирая на миг.
И, крошки собрав,
Дед тяжелой рукою
Их,
Как причащение,
Ссыпал на язык...
Я помню в квашне
Ноздреватое тесто,
На корочке хлебной
Дрожанье огня.
Добро и любовь
Взял в дорогу
Из детства,
Взял то, без чего
Не прожил бы
И дня...

III

Иду по дороге...
И вдруг зазвенела
Она, как тропинка,
Под грузом сапог.
Я чувствую — остро
Вливается в тело
Усталая дрожь
Этих трудных дорог.
Белеет, петляя,
Сухая бетонка.
И с каждой верстой
Тяжелей сапоги.
Чу!
Звякнув цепочкой,
Залаяла звонко
Собака,
Услышав чужие шаги...

Избушка Круглова.
Всегда был приветлив
Хозяин окрестных
Полей и лесов.
Скрипели в дверях его
Ржавые петли,
А нынче —
Гляди-ка! —
И дверь на засов...
Я вспомнил —
На праздник
Ходили к Андрею.
Он рад был гостям
И встречать их
Умел.
Едва самовар
Для гостей разогреет,
И вот уж, глядишь,
Взял гармонь —
И запел!
Восторг был в глазах его,
Светлых,
Как утро.
Он пел.
И никто ему петь не мешал.
И только в такие минуты
Как будто
Свободною вдруг
Становилась душа...
В избе его радость
Гостила нечасто.
И бабы в деревне
Смеялись над ним:
— Ах, горе ты, горе!
Как в гости,

Несчастья
К тебе зачастили
Одно за другим!
Замок бы повесил,
Нечистая сила!
Открыта калитка
И ночью, и днем...
А он напевал,
Что бы с ним
Ни случилось,—
— Подумаешь, горе —
Переживем!
Андрей-горемыка,
Какой гармонист был!
С медалью за Прагу
Вернулся с войны.
На старости лет
Он срубил себе избу,
Да вот не нашел
Подходящей жены...
Стою у калитки.
И тихо, как прежде.
Лишь гул тракторов
Нарушает покой.
Стучу.
А за дверью:
— Кто?
Свой иль приезжий?
И я отвечаю
Растерянно:
— Свой...
Не ждал?
— Всяких носит...
Прости ради Бога!
И ночью, и днем

Обивают порог.
Кочует народ
И по нашим дорогам,
Все ищет, где лучше
И слаще пирог...
Пахнуло из сенец
Свежайшей капустой.
— Другие-то люди —
Ну чисто огонь!..
В избе огляделся —
Просторно и пусто,
Комод у стены,
И на полке —
Гармонь.
— Теперь мы живем
Осторожно,
С оглядкой.
— В чем дело, Иваныч?
— Не скоро поймешь...
А после добавил:
— Иные порядки,
Другая теперь
На селе молодежь...
— А помнишь, как пели?
— А как же...
Вот только,
Как прежде-то пел —
Так теперь не сумеешь...
Андрей закурил.
— А согласишься, как горько!
Помру вот,
И некому будет допеть.
А парни, другой раз,
Пройдут по деревне.
И песни-то вроде

У них хороши.
Но наши-то были
Сильней и напевней,
А все потому,
Что от самой души,
От самой земли...
А теперь
И не в радость
Земля им.
И как-то,
С грехом пополам,
На ней прижились,
Уж, казалось бы,—
Малость,
Но нету у них
Уважения к нам.
Уедут, приедут.
На ночку,
На день ли,
Да так и живут —
И не там,
И не тут.
И совесть свою
Переводят на деньги,
Рублем измеряют
И доброту.
И нету у них
Постоянного места.
Им стал, как обуза,
Родительский дом.
Таковыми ли вы
Уходили из детства?
Живем да и жили
На свете добром...
В часах на стене

Прохрипела кукушка.
— Пойду я, Иваныч.
— Ну с Богом — иди,
Хоромы теперь у меня —
Не избушка,
Но ты не стесняйся,
Вперед заходи...

IV

Я вышел из дома.
Вечерние тени
Ложатся на землю,
Иду не спеша...
И вот вспоминаю,
Минуя деревни,
С кем делали в жизни
Мы первый свой шаг...
Росли на деревне,
Не зная обмана.
И не было, нет
Среди нас подлецов.
В те годы, наверно,
Взрослели мы рано,
Стараясь во всем
Походить на отцов...
И в памяти ожили
Детства картины.
Вот здесь, у колодца,
Жил Мошкин Матвей,
А там, на бугре,
Где краснеют рябины,
Жила Семичиха
С оравой детей.
Их батька на праздник

Любил поскандалить —
То сам со двора,
То ее за порог.
И, охая, бабы
Украдкой вздыхали,
Жалея детишек:
— Спаси ее Бог!
А те подрастали.
И помню Василий
Не раз им
Говаривал навеселе:
— Вот так, мол, и так —
Коль родились в России,
Тогда и живите
На этой земле.
И к ней относитесь,
Как батька,
С любовью...
А после неловко
Тяжелой рукой
Погладит в раздумье
Затылки сыновьи
И шлепнет по заду,
Прикрикнув:
— Домой!
А сам неуклюже
В заулке запляшет.
И скажет, сощурясь
В табачном дыму:
— Когда я помру,
Ты, Семен,
Будешь старшим,
Тебе и следить
За порядком в дому.
И чтоб по душе

И по мысли все было!
Запомни, Семен,
Этот батькин наказ...
У церкви травой
Зарастает могила,
И смотрит Василий
Со снимка на нас...
С тех пор дом забит.
В палисаде рябины.
В саду под окном
Полувывсохший пруд
Затянут холстом
Отцветающей тины...
А дети, не знаю,
Где нынче живут...
Здесь в каждой судьбе
Преломилась эпоха
Печалью и радостью,
Злом и добром,
Кто — верил в людей,
Кто — ни в черта,
Ни в Бога!
Да разве расскажешь
Теперь обо всем.
О том,
Как земля
На глазах сиротела,
И как становился
Свидетелем я,
Когда уезжали
В чужие пределы,
Когда возвращались
На круги своя...

У

Иду по дороге...

Холмы да низины.
 Бредут грибники
 Вдоль раскисших дорог,
 Взвалив на плечо
 Бельевые корзины.
 Аж скрип до небес
 От болотных сапог.
 Уже вечереет.
 На гумнах у сада
 Босые ступни обжигает роса.
 Заходит в село утомленное стадо,
 И долго в заулках звенят голоса:
 — Куда ж ты в картошку,
 Язви тебя в корень?!
 — На место! Домой!
 Вислоухий горбыль!
 Гоняет хозяйка
 Овец у подворья,
 И долго висит
 Над дорогою пыль.
 Слетаются в стаи
 Горластые птицы,
 На изгородь сели —
 Не видно жердей.
 Теперь уж и здесь,
 Вдалеке от столицы,
 В другом измерении
 Жизнь у людей...

Иду по дороге...
 Раскаркался ворон,

Взлетел тяжело,
Раскачав провода.
Коровьи тропинки
Опутали гору,
И, будто живая,
В копытцах вода.
У кромки дороги
Завяла береза.
Сидят воробьи
На обрывках корней.
И шрам на стволе
От железного троса...
Как часто мы в детстве
Играли под ней!
Ее посадили
Отцов наших деда.
Березе отпущено
Было судьбой
И радость делить
Вместе с нами,
И беды,
Но поздно
Мы поняли это с тобой...
И ржавчины краска
На содранной коже,
И тракторный след
На зеленом гумне,
И сальные пятна
Гниющих остожий,
Саднящую болью
Остались во мне...
Стоят на обочине
Конные грабли.
Пастух с самокруткой
Дымит у бредин.

Мгновение жизни,
А в нем,
Словно в капле,
Судьба от рождения
И до седин.
В защитном плаще
И в солдатской фуражке,
С прокуренным усом
Безрукий Егор,
Такую глубокую
Сделал затяжку,
Как будто заявку
На разговор.
— Чай, не был в деревне
От прошлого года?
— Выходит что так...
Подхожу не спеша.
А он продолжает:
— И к черту погода!
Когда затоскует по дому
Душа?!
Вот то и оно-то...
Егор затянулся
И, щуря от дыма
Косые глаза,
О чем-то задумался
И улыбнулся:
— Выходит, тоскует...
Всего и сказал.
В молчанье
На корточки сели —
У стога.
— Вот так и меня
Вдруг прихватит порой!
Лишь совесть была бы

Чиста перед Богом,
И перед людьми,
Ну и перед собой...
Егор все такой же,
С хитринкой во взгляде.
Живет незаметно —
Себе на уме.
Один сын — в Москве,
А другой — в Ленинграде,
А сам-то Егор
Не бывал в Костроме.
А сам-то Егор,
Чтоб потрафить супруге,
Цветной телевизор
Купил в новый дом.
Вчера его мир
Умещался в округе,
Теперь он смекает
В масштабе земном.
И как рассуждает!
Послушаешь,— любо.
Как шило, отточен
Егоров умок.
Хотят его,
Слышал,
Поставить завклубом.
А клуб скоро год
Как закрыт на замок.
— У нас, поглядишь,—
Ни деревня, ни город.
Дома вырастают
Этаж к этажу...
И вот потянулся
Егор к разговору.
— А что на душе?

— И об этом скажу...
Ты вот о культуре.
О ней ли заботы!
И больно,
Поверь мне,
Что, кроме кино,
Одно развлечение
После работы
Осталось у нашего брата —
Вино.
И я причащаюсь,
Но самую малость.
И так,
Чтобы снять
Напряженье с души.
А вот у другого-то
Не состоялась
Не шутка! —
Судьба!
Осуждать не спеши.
Я видел немало.
Немало и прожил.
Пастушил с ребят
От зари до зари.
Меняется жизнь,
А мужик —
Он все тот же,
Когда не снаружи смотреть,
А снутри.
И мало ли было
Ошибок, сомнений.
Отдали одно,
Что-то взяли взамен.
А может, в различии
Двух поколений

И скрыто от нас
Существо перемен...
Егор улыбнулся,
Стесняясь улыбки.
— Я так это, к слову.
Хватает обид.
Живем,
Исправляя чужие ошибки,
Уйдя с головою
В обставленный быт...
Случайная встреча,
Точнее — мгновенье,
А в нем,
Словно в капле,
Сверкнула судьба...
— Спасибо, Петрович,
За откровенье!..
И я зашагал
От столба до столба.

VI

Свернул с дороги.
Напрямик —
Скорей до дому.
Вдруг догоняет грузовик,
Как эхо грома.
Из кузова грузовика
Летит солома.
— Чего стоишь? Посторонись!
Иль надоела, парень, жизнь? —
Кричит, грозя издалика,
Шофер знакомый.
Сверкнули озорно глаза,
И заскрипели тормоза...

— Узнал?
— Здорово!
Узнал, а как же...
— Опять в Попово?
— Ну а куда же.
Сидит в кабине
Василий Вдовин.
— Там пусто ныне,
Тоска в Попове.
И хмуря брови, сказал:
— Подкинем!
Садись!
— Спасибо. Дойду —
Тут рядом.
— А зря, могли бы
С доставкой на дом!
У нас тут, парень,
Кто платит — правит.
Хозяин — барин! —
В почете-славе.
А мы-то молча, —
Не обижайся,
С душою волчьей
Живем, как зайцы.
И чем мы старше,
Тем боль острее,
Что души наши,
Увы, стареют.
А кто виновен?
Виновны сами —
Я, Васька Вдовин.
Он, Витка Санин,
И ты — с усами...
Уж не до жиру,
А помнишь — жили?!

Тут пассажиры заголосили:
— Эй, Васька, скоро ль?
Уж дома были б!
Напала говорь в автомобиле...
Заныла Тая,
Толкает в спину
И причитает,
Мол, ждет скотина...
— Ой, дура баба!
Все будем дома,
Понять могла бы —
Мужик знакомый!
Давно не видел,
Увидел — радость!
А ты в обиде,
Ну выпил малость.
А пью не с горя,
А так — со скуки.
И в вашей воле —
Взять на поруки.
— Охота, страсть как!
— Аль не хороший?
Ты знаешь Ваську,
Дал слово — брошу!
Ах, Тая, Тая,
Садись поближе.
Я поласкаю
И не обижу...
И кузов ожил.
Смешок раздался.
И Васька тоже
Заулыбался.
— Уймись, соседка!
Проломишь кузов.
Чай, в каждой сетке

По пуду груза!
— Ну, Васька, леший!
И стукнуть нечем!..
— Выходит — пеше?
Тогда до встречи!..
В кузове сидит народ.
Кто чего домой везет.
Кто кастрюли с росписью,
Кто конфеты россыпью,
Кто ковры, кто тляпки,
Ну а бабы — тряпки.
На душе легче,
Хвастаться есть чем!..

VII

Иду по дороге...

И сладко, и мирно
Дымят над горушками
Детства костры.
Ну как вам живется
В казенных квартирах,
Друзья моей самой
Счастливой поры?
Ну как вам живется,
Мои одноклассники?
Мы, лишь повзрослев,
Замечаем в друзьях
И больше достоинства
В грузной походке,
И меньше усмешки
В усталых глазах.
Иль чувства с годами
У нас поостыли,

И мы научились
Прощать и терпеть,
Как будто забыли,
Какими мы были,
Не знаем как будто,
Кем стали теперь?

Иду по дороге...

Начальная школа.
Мальчишки галдят
У нее под окном.
И сердце добром налилось,
Будто колос,
Звонящий тугим
Золотистым зерном.
И верю я снова —
Придет обновление.
И верю я вновь —
Все наладится в срок.
И меньше теперь
«Голосуют» деревни
На шумных развилках
Бегущих дорог.
И там, где вчера еще
Было раздолье,
За мутной излучкой
Разлившихся рек
Желтеют дома
На открывшемся взгорье,
И радуется улиц
Веселый разбег
И доброе все, собирая
По крохам,
Не верю я

В призрачный этот покой,
Я чувствую в нем
Напряжение эпохи,
На все откликаясь
Сыновней душой.

Иду по дороге...

Ты куда ведешь меня, дорога,
То звеня бетоном, то пыля?
И сегодня высоко до Бога,
Далеко и нынче до царя.

Выйду на коварный перекресток.
Где мой путь — попробуй угадай!
И налево полосаты версты,
А направо незнакомый край.

Я стою, как витязь, на распутье.
Без коня — в предчувствии измен.
Где звезда над головой, где спутник?
Много и на небе перемен.

Неизменны только дни и ночи.
Но чем старше, тем для нас видней —
В жизни дни становятся короче,
Но тревожней ночи и длинней.

И пора бы отдохнуть немного,
Оглянуться на родимый свет.
Но нельзя — вперед ведет дорога
И обратной нам дороги нет.

Даль неоглядна, а за далью,
Открытой мне,— другая даль.
Там за моей земной печалью
Стоит вселенская печаль.

Мой горизонт для взора узок.
Для сердца жизнь моя тесна.
Я беден чувствами для Музы,
Когда в окно стучит Весна.

Но даль, подернутая дымкой,
Еще зовет в иную даль,
Чтоб с неба месяц-невидимка
Посеребрил мою печаль...

Дождались и мы — слава Богу!
Хоть жизнь на подарки скупа.
Здесь к каждой деревне дорога
И к каждому дому тропа.

Край милый! И ты не пропащий!
На свет потянулся народ —
На этом рождаются чаще
И реже увозят на тот.

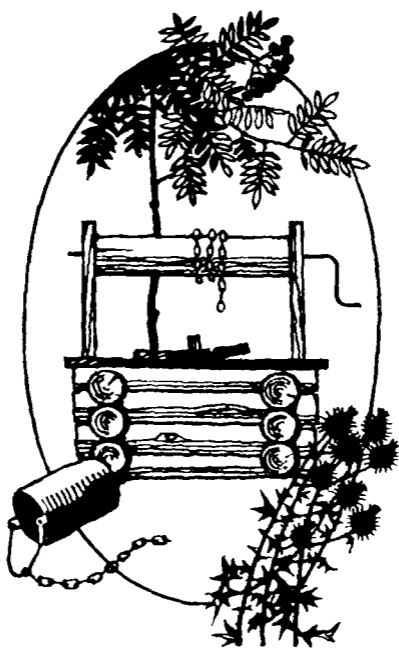
Все громче в час осени грустный
В деревне — и звонок, и чист! —
Хрустит под ногами капустный
Морозом прихваченный лист.

И радуюсь я без оглядки,
Кошу по оврагам траву.
Мне любо, когда я на грядках
Сжигаю сухую ботву.

И сам голосую за то, чтоб
Мне жить на родной стороне
Не памятью только о прошлом,
Но с думой о завтрашнем дне.

ВЕНЕЦ ТРЕТИЙ

* * *

Еще вчера ломило кости.
Но лишь ударил в окна свет —
И настроение — хоть в гости!
И никаких болезней нет.

И снова рад всему живому,
И удивляюсь я опять
И пенью птичьему, и дому,
В котором печку топит мать.

За лесом туча, горбясь, скрылась.
Погода, что-то затая,
Сменила гнев крутой — на милость
И вместе с нею ожил я.

Из дома вышел, солнца ради.
Куда глаза глядят — иду.
Пока душа с природой ладит,
И сам с собою я в ладу.

Мои любимые минуты...
Вхожу под вечер в тихий сад,
Где по-домашнему уютно,
Как печка, топится закат.

Я от него согрею руки.
И вновь порадуют меня,
Как искры, вспыхивая,— звуки
Утомившегося дня.

Калачиком свернулись тени
У ног моих. Гудят столбы.
Смотрю на небо — жду знамений
Моей таинственной судьбы.

А сумерки в саду все гуще.
Там, за рекой, знакомой мне,
Мерцает свет, во тьму зовущий,
Тревожный свет в чужом окне.

Забудутся друзья и годы,
Но память вновь возьмет свое —
Мои глаза — глаза природы,
Моя душа — душа ее...

* * *

Воздух греется, как от жаровни.
Солнце жжет, не жалея лучей.
Я спасаю на даче крыжовник
От прожорливой стаи грачей.

До чего ж его ветки колючи!
Руки в ссадинах, ноет спина.
Не ропщу — это все-таки лучше,
Чем безделье с бутылкой вина.

Пусть подышит усталое тело.
Не ленюсь — я доволен и тем,
Что за добрым хозяйственным делом
Голова отдохнет от проблем.

Снимут боли в душе, как рукою,
В борозде щебеча — воробьи.
Пусть дозреют в тепле и покое
Беспокойные думы мои.

Скоро иволга в травах заплачет,
И на землю опустится сон.
А пока на родительской даче
Рву крыжовник в зеленый бидон.

Брошу все и пойду на реку,
Попытаю рыбацкой удачи.
Не на Волгу и не на Оку,—
На обрывистый берег Гремячки.

Насажу на крючок червяка.
Поплюю и — подальше заброшу.
Если будет счастливой рука,
Может, клюнет плюгавенький ершик.

Не клюет... Онемел поплавок.
Но зато ходят мысли кругами.
Как легко после долгих дорог
У Гремячки с босыми ногами

На крутом посидеть берегу
И признаться себе, не краснея,—
Что по-старому я не могу,
А по-новому жить не умею...

* * *

Хорошо на речке одному
Под густыми ветками черемух.
Там, где филин ухает во тьму
И внушает страх всему живому.

Кто услышит — оторопь берет.
Вроде зверя, каждая коряга.
У меня же все наоборот —
Я спокоен в зарослях оврага.

Говорю как есть — не сгоряча.
И не знаю, кто из нас счастливей.
Воду пью из светлого ключа,
Чудом уцелевшего в крапиве.

И сижу на сером валуне.
Жгу костер. И на огонь без страха
Прилетела, доверяясь мне,
Доброй восточкой лесная птаха.

Чтобы петь до самого утра,
А на зорьке у реки не тесно —
Соберу с любовью у костра
Все живое население леса.

Здесь не страшен никакой злодей.
И признаюсь я, увы, не первый,
Что страшнее жить среди людей,
Одичавших без любви и веры.

В СКВЕРЕ

Снял пиджак, повесил на сучок.
Крякнул, выпив квасу из бидона.
У театра в сквере мужичок
Подрядился окосить газоны.

Он подправил косу не спеша.
Взглядом выбрал место для прокоса.
И пошел — крестьянская душа!
Юность вспомнил — время сенокоса.

На него глазют малыши.
Маменьки застыли в важных позах.
Эх как дядя косит от души!
Так не могут люди зеленхоза.

Он не видел никого кругом.
И косил на узеньких газонах,
Будто бы на луге заливном!
Бабочки летали над бидоном...

Вечереет. Запах диких роз.
Кружит голову, благоухая.
Пудрят сумерки листву берез,
Меркнут дали без конца и края.

Господи! Какая красота!
Было так, и верю — вечно будет!
Хоть земля уже давно не та
И живут на ней другие люди.

Пусть же, пусть меня спасет она.
Думы мои горькие развеет.
Пусть сегодня полная луна
Разгорится надо мной светлее.

Я останусь с ней наедине.
Пусть остудит кровь мою прохлада.
Пусть земные радости во мне
Оживут — и большего не надо.

Пусть звенит над полем тишина.
Черная, глубокая, как омут.
Чашу я допью свою до дна
И ни капли не отдам другому.

Весенний лес. Какая зелень!
И думаем, ликуя, мы —
Да это мир пришел на землю
После нашествия зимы.

С каким характером упорным
Листва, выстреливая в высь,
Штурмует высохшие кроны
И дарит им любовь и жизнь.

И чувство — вот она, победа!
Весной, наверно, оттого,
Что ей, листве, еще неведом
Час увяданья своего...

В саду под окнами светло.
И, заглушая птичий клекот,
Прозрачный воздух, как стекло,
Звенит от рева самолетов.

Дрожит. А низко над холмом
Над вымершей совсем деревней
Косяк сквозь реактивный гром
Летит на юг маршрутом древним.

Молчит. И в поле старики,
Со вздохом разгибая спину,
Глядят с тоской из-под руки
Вслед улетающему клину.

И слышат — видно по всему —
Они, пугаясь самолетов,
Не стекол звон в пустом дому,
А тихий журавлиный клекот.

СВИДАНИЕ

Вот листья мои,
Опаленные ветром и зноем,
Летят обреченно,
Неслышно касаясь земли,
Не видя, как в небе
Над звонким осенним покоем
Летят на меня
Потерявшие курс
журавли.

В такие минуты
Так просто
И так удивленно
Живу на земле
И по-глупому радуюсь я,
Когда головы моей — осень
Ладощкою клена
Касается вдруг,
Возвращая на круги своя.
Спасибо ей, светлой,
Спасибо за то, что когда-то
Звенела она
Над моей колыбелью в избе.
За то, что рассветы ее
И ее огневые закаты,
Как в водах пруда,
И в моей отразились судьбе.
Перину из листьев
Взбивает под окнами ветер.
Я радуюсь ветру,
Я пробую ветер на вкус.
Я вижу, как снова
В таинственном сумрачном свете

Летят на меня —

журавли,

Потерявшие курс.

Так, значит, не зря

Я спешил на свидание с ними,

И печь натопил,

И сходил за водой на родник.

На старой земле —

лишь они

Да их светлое имя

Остались из близкой

И некогда крепкой родни...

У РЕКИ

Запшикал дождь, как порох на углях.
Захлопал глухо о брезент палатки.
И, припустив по тропке без оглядки,
Запузырился в ржавых колеях.

Но вот утих. Я у костра один.
Вдали тревожно мечутся зарницы.
И слышу я, как ягоды с рябин
Роняют перепуганные птицы.

Я думал здесь, где тихая вода,
Забуду все вчерашние тревоги.
И, как зверек пугливый, у дороги
Меня сторонкой обойдет беда.

От суеты забудусь, от разлук.
Вдыхая запах тины и болота.
Я каждый шорох слышал!
Каждый звук!
А вспоминались город и работа.

И как забыться — даже здесь, вдали
От своего и от чужого горя,
Коль для меня — речушка, лес и поле —
Все тот же центр
одной большой земли.

И ночь была тепла и звездна,
И луг парил, и огород.
А солнце утром вышло поздно —
Мгла затянула небосвод.

Уж август. В поле жнут пшеницу.
Но нет грибов — ты их не жди.
Горит, томясь в земле, грибница —
Не вовремя прошли дожди.

Но разве солнце виновато,
Что небо затянуло мглой?
Не виноваты и опята,
Что август выдался сухой.

Настанет час — и солнце брызнет,
Прольется в срок и дождь грибной.
Ведь и у нас, и в нашей жизни,
Бывает точно так порой.

Самим бы нам не сбиться с круга,
Восход встречая и закат.
И не винить опять друг друга
В том, в чем никто не виноват.

Меня погода задержала —
С дороги сбился, шел в обход.
Сам виноват, а не держава
И ни при чем тут весь народ...

Ветреный день — с облаками.
Летний еще, но уже
Пахнет ботвой и дымками
На пожелтевшей меже.

Время пришло золотое.
И защемило в груди.
Вспомнил бы я — да не стоит!
То, что давно позади.

Пусть хоть сегодня с охотой
Не голове, а рукам
Дам я мужскую работу
И помогу старикам.

Здесь, на картофельном поле,
Пот осушив на ветру,
Пусть кровяные мозоли
Я на ладонях натру.

И напеку я — для пробы!
Детям картошки в золе.
Так поработаю, чтобы
Крепче стоять на земле.

А. Дудникову

Топлю в деревне баню.
И даже рад тому,
Что печка плохо тянет
И все кругом в дыму.

Мне едкий дым не страшен.
Мне печь топить не лень,
Когда в деревне нашей
Объявлен банный день.

Кручусь, как белка в клетке.
Но здесь, в лесной глуши,
Устрою праздник редкий
Для тела и души.

И вот уже в волненье
Я предвкушаю сам,
Как погуляет веник
По рыхлым телесам.

Пусть печка плохо тянет...
Я все ж люблю сильнее
Не то, как будет в бане,
А то, что перед ней!

Вот и август стоит в полный рост.
Нет уже тех восторгов во взгляде.
Снова в зелени летних берез
Пробиваются желтые пряди.

Хлопотливей становится день.
Пахнет в избах лесными дарами.
Вот и воду речную олень
Остудил молодыми рогами.

Каждый день ездим в лес по грибы.
В гулкой чаще аукает эхо.
И теперь у крестьянской избы
Не слышать беззаботного смеха.

Отгуляла родня отпуска.
Стало в доме просторно и грустно.
И не скоро еще мужика
Жизнь затянет в привычное русло.

Отпылает осенний костер.
Будут угли потрескивать в печке,
А хозяин — курить «Беломор»
После бани на синем крылечке...

Дело к осени — лист полетел.
Снова пóбыл на родине мало.
И остался опять не у дел,
Так со мною и прежде бывало.

Я не знаю, куда себя деть.
И украдкой звериной тропою
Я спускаюсь туда, где медведь
В жаркий день выходил к водопою.

Где малинник штурмует валы.
Где живая вода в черных лужах,
Где не слышно блудливой молвы
И нечуть разговоров досужих.

Ими дома по горлышко сыт.
А в лесу я хожу без заботы.
Если жажда — родник напоит,
Если голод — накормит болото.

Среди рек безымянных и пней
Отвыкаю от суетных буден.
И чем дольше я здесь, тем трудней,
Тем больней возвращение к людям...

Вдали за рекой
На фоне багрового неба
Желтеют березы,
Под ними чернеют дома.
Деревня в три дома,
В которой ни разу я не был,
Стоит на макушке
Забытого Богом холма.

Нечуть голосов.
Деревня — иль ты нежилая?
Как сажа, на холм
Оседают сгоревшие дни.
Не видно огней,
Не слышно собачьего лая.
А может, совсем
У тебя не осталось родни?

Пройду стороной,
Вечерний покой не нарушив.
И пусть надо мной
В заповедной российской глуши
Поют в небесах,
Как ангелы — чистые души
За здоровье грешной
Моей одинокой души.

Ей так хорошо,
Когда грозовые раскаты
Гремят,
Как салюты,
Над этим забытым холмом,

Когда за рекой
Багровые гаснут закаты,
Прощальным огнем
Освещая родительский дом.

ПОДСОЛНУХ

Чахнет забрызганный грязью подсолнух,
Бьется о мокрый плетень.
Скоро ль на солнце ресницы обсохнут
И распогодится день.

Через дорогу дородные утки
Шлепают звучно с пруда.
Зябко подсолнуху в сумерках жутких,
Капает с крыши вода.

Часто один, вечера коротая,
Дома сижу без огня.
Так одиноко на сердце бывает
Осенью и у меня.

Вдруг и пройдет так, не балуя светом,
Жизнь, о которой пою,
Так, как проходит короткое лето
В северном нашем краю...

Сентябрь — унылая пора.
Гляжу в окошко с замираньем
На дождь, начавшийся вчера —
Так где ж твое очарованье?

И где прощальная краса,
Костры осин,
Огни рябины,
Где прячешь птичьи голоса
И ткешь узор из паутины?

Твои дожди сведут с ума,
Суля опалу и гибель.
А ведь еще и не зима,
И мы с тобой еще могли бы,

Могли бы выкроить денек
У этой жизни, сбитой с толку,
Зайти к своим на огонек,
Где не бываем так подолгу.

Но ты горда, и все горчей
На сердце оттого, что вроде
Очарование очей
Прошло и в жизни, и в природе...

* * *

Еще не холодно, хотя
Нет и тепла давно в помине.
Не август на дворе — октябрь,
И не роса на травах — иней.

Вот-вот пожухлые листы,
Дрожа, сорвутся с голых веток.
Все замирает — и цветы
Уже не пахнут красным летом.

Подернут знобкой рябью пруд.
Утиный пух в траве и перья.
Ни где-нибудь, а только тут
В себя приду и в жизнь поверю.

Ни где-нибудь, а только здесь
От веры в светлое, наверно,
Я будто очищаюсь весь
До донышка — от всякой скверны.

Здесь, где еще горят цветы
На клумбах у начальной школы
И где последние листы
Вот-вот сорвутся с веток голых...

И все же, осень, ты прекрасна!
И в эти слякотные дни
Твои старанья не напрасны,
Нет, не бессмысленны они.

Дождемся — ветер переменчив —
Мы в жизни доброй полосы.
Но я люблю тебя не меньше
В твои нелучшие часы.

Любуюсь тихими деньками
В заулках старых деревень.
Я, как и ты, сорю деньгами,
Не думая про черный день.

Во многом мы с тобой похожи.
Однажды вместе и сгорим.
Я лезу, как и ты, из кожи,
Чтобы светлей жилось другим.

И верю, дух огня и тленья,
Что есть в тебе — хоть в том утешь! —
Не дух конца — дух обновленья
Природы, жизни и надежд.

Тронул утренник ранний траву.
Скоро осень, а мысли все те же —
Как ни странно, чем дольше живу,
Тем о будущем думаю реже.

Мне не завтра охота — сейчас! —
Посидеть на скамье под оконцем
В час, когда еще день не погас
И не скрылось за тучами солнце.

Мне дороже вот этот закат,
Осветивший осенние дали.
Не найти мне дороги назад
И вперед отыщу я едва ли.

Жить и то успеваю едва.
Лето кончилось — скоро морозы.
Не заметил, как за ночь листва
Пожелтела на старых березах.

А увижу, когда опадет
И, намокнув, прилипнет к подошвам.
Жизнь летит без дороги вперед
Между светлым, грядущим и прошлым...

Опять вокруг запылыхало,
Как в пору буйных юных лет.
Опять ты, осень, правишь балом
И на тебя управы нет.

Не для меня наряд твой пышный.
Краса твоя не для меня.
Сижу в избе, и еле слышно
В печи дыхание огня.

В пустой трубе ветра не воют.
Не каплет дождь холодный с крыш.
Ты за окном шуршишь листвою,
А за стеной скребется мышь.

Дрожит и вздрагивает пламя.
И хорошо, когда в тепле
Моя оттаивает память
О самом светлом на земле.

О детстве звонком и о маме,
И о стране залесской — той,
За темным лесом, за холмами,
Где мир, казалось, был другой.

Где укрывались птичьи стаи
От гроз и мачехи-зимы.
Была там осень золотая,
Какой не знали в жизни мы...

Вода в тазу покрылась льдом.
На улице свежо и зябко.
Собрала осень под окном
Листвы рябиновой охапку.

Мы праздников не ждем уже.
Живем и лишнего не просим.
Без нас сегодня на меже
Делили власть зима и осень.

Деньки и ночки сочтены —
Недолго осень красовалась.
Хоть раз взгляну со стороны,
Что с ней ушло и что осталось.

Пустила по ветру добро,
Размыла грядки и дороги.
Ушло веселье и тепло,
Но не развеялись тревоги.

Сидим смиренно по домам.
У нас остались те же роли.
И все равно, какую нам
Зима объявит завтра волю.

Приходи, Зима, и царствуй!
У тебя свои дела.
Веселись! Крепчай и властвуй!
Торжествуй — твоя взяла.

Я теперь в твоей неволе.
На меня спусти пургу.
От нее в открытом поле
Ни куда не убегу.

Жизнь и так проходит в спешке.
Зло со мною не шути,
Не роняй вдоль тропки вешки,
Не сбивай меня с пути.

И в полях у голой рощи
Тьмой безглазой не пугай.
Я и так иду наощупь
Сквозь людей и сквозь снега.

И, по лучшим дням тоскуя,
Все приму и все стерплю.
Я ведь жизнь, поверь, такую —
Своенравную люблю!

* * *

Крестьяне спать ложились рано.
Теперь до полночи сидят
У раскаленного экрана,
Сверяя свой и телевзгляд.

Их учит жить голландский фермер.
По нашим меркам он — герой.
Там у него на частной ферме
Растет — не падает надой.

Так повернет мужик и эдак.
Заморский опыт хоть куда!
Когда ж придет она — победа
Освобожденного труда?

А утром ясным и морозным
Ему дадут — не жаль добра! —
На каждый трудодень колхозный
По два сугроба серебра.

Деревня спит. А вдоль деревни
В сорокаградусный мороз
Взметнулись в инее деревья,
Как взрывы белые — вразброс.

Смотрю в ночное небо долго
И слышу в хрусте тишины,
Как из отверстий звезд-осколков
Свет с той струится стороны.

С той стороны небесной сферы,
Где мир другой, где высший суд
И где неведомой нам веры
Иные существа живут.

И все же рано или поздно
В часы, когда деревни спят,
Два мира тихо ночью звездной
Между собой заговoryт.

ВОРОНА

Давно погасли всполохи зарниц.
Мороз январский разукрасил кроны.
В деревне стала королевой птиц
Опять обыкновенная ворона.

В безмолвье белом царствует она.
И поутру, отдернув занавески,
Я слышу, как на тропке у окна
Она кричит почти по-королевски.

И мы довольны, зная наперед,
Что так идет от сотворенья мира.
Ты царствуй, серая! Весна придет —
Мы новых сотворим себе кумиров...

Повернуло на весну.
Над холмом, над кручей
Ветер гонит, как блесну,
Солнышко сквозь тучи.

Вот еще одна зима
Скоро канет в Лету.
И уже весна сама
Близко по приметам.

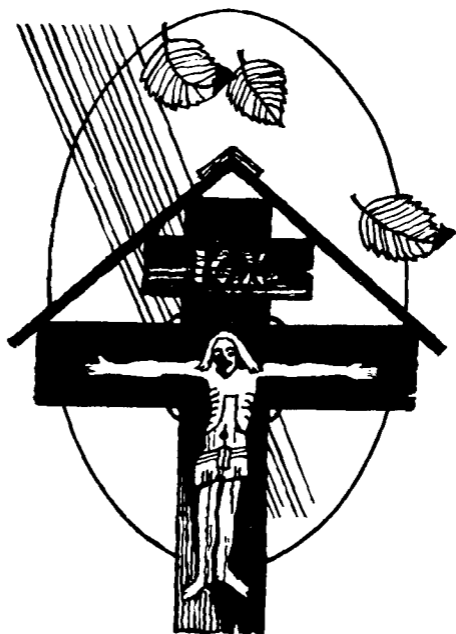
На деревне колка дров.
Подвывают пилы.
Все в делах, кто жив-здоров,
В ком остались силы.

Я и сам колю дрова
До седьмого пота.
Отдохни-ка, голова,
За мужской работой.

Нынче долго не засну.
Ведь и верно: вроде
Повернуло на весну
В жизни и в природе.

ВЕНЕЦ ЧЕТВЕРТЫЙ

Мне хорошо, когда на праздник
У нас встречается родня,
Когда сынишка мой — проказник —
Учебой радует меня.

Когда в моем родном колхозе
Убрали хлеб до белых мух,
Когда взошла обильно озимь
По предсказаниям старух.

Мне хорошо, когда к соседу
Приехал на побывку сын,
Когда мы празднуем Победу
По всей стране — все как один.

Мне хорошо, когда все люди
Не держат друг на друга зла,
Когда нас рано утром будят
Торжественно колокола.

Когда открыты в доме двери,
И свет горит в родном окне...
Теперь поймете, я уверен,
Когда бывает плохо мне.

* * *

У ног моих лежат столетья,
Нуждой забитые и плетью —
На плахе.

Лежат в земле сырой народы,
Лежат мгновения и годы —
Во прахе.

За весь наш род, за блуд-веселье
Грехи отмаливают в кельях
Монахи.

А мы, вскрывая вены бритвой,
Живем без Бога и молитвы —
Но в страхе.

Что в эту землю наше тело
Опустят в горестной и белой
Рубахе.

Другим оставим боль и волю
И отпоют нас ветры в поле
И птахи.

Жизнь — Божий дар. И завтра, может,
У чьих-то ног мы ляжем тоже —
Во прахе...

А. И. Исакову

Не тобою ль мы в гости званы.
Сам писал — приезжайте, ждем.
Знал бы ты, Александр Иванович,
Как люблю я твой светлый дом.

Как любил... И вот замер в думе.
Дума длинная, как верста.
Ты вчера, дядя Саша, умер...
Я и здесь уже сирота.

От судьбы никуда не деться.
И понятнее мне теперь,
Что все уже пространство детства
И все более в нем потеря.

Сколько в поле веснушек желтых!
Сколько сини над головой!
Мир безмолвный, куда ушел ты,
Не загробный мир, а живой.

Он во мне. И пока мы живы,
Жив и ты. И в моей душе
Живы все, с кем я был счастливым,
Пусть их рядом и нет уже...

* * *

О жизни нам напоминают мертвые.
Мы исповедуемся им.
Читаем надписи, ветрами стертые.
Молчим.

И здесь, где мир с оградой, не случайно мы
Вновь возвращаемся к себе.
И замираем в страхе перед тайною
В судьбе.

Здесь каждый звук живой таит иронию.
О, жизнь! Смогу ль когда-нибудь
Я ощутить в душе твою гармонию
И суть?

Со стороны глядеть — все просто.
У матери последний сын.
А вот не вышел парень ростом,
И в сорок бедствовал один.

Он в город ездил за невестой.
И говорят, что у него
В избе висел на видном месте
Портрет цыганки огневой.

И в час, когда, застыв над домом,
Вставала на дыбы гроза,
Он жаждал бури, жаждал грома
И пел про черные глаза.

Над ним метались вспышки молний,
Взрывая недра туч огнем.
И, как со старой колокольни,
Гудел на всю округу гром.

На самого себя в обиде,
Он громко пел и горько пил.
И как он женщин ненавидел,
Он так же их боготворил.

Прошла гроза. Светло и чисто.
Он, вызов бросивший богам,
Покончил жизнь самоубийством,
Ни строчки не оставив нам...

Дом сгорел. Зарос осокой пруд.
В сад вошел — в саду светло и дико.
Высох клен. А яблони цветут,
И на грядках пахнет земляникой.

Это запах детства моего.
Но в краю, затерянном в болотах,
Я уже не знаю никого,
И меня едва ли вспомнит кто-то.

Друг родимый, позови меня.
Знак подай — росой с черемух брызни.
Друг погиб... Так почему же я
Все спокойней думаю о жизни?

В ГРОЗУ

Совершала природа таинства...

Ливня близилась круговерть.

— В экий день, слышь ли, мать,
расстанемся...

Чу! Идет!

— Кто, родимый?

— Смерть...

Туча сгорбилась над березами.

Душит кашель — дед очень плох.

Пахнет травами, пахнет грозами

День, заставший его врасплох.

Рухнул ливень, звеня и радуясь.

Нахлобучил на окна тень.

Домотканая встала радуга

Над гнездовьями деревень.

И парила, клубясь, испарина

С мокрых крыш, как с крестьянских спин.

И краснел в огороде Марьином,

Гребешок распуша, георгин.

Лошадь, звякая цепью ржавою,

Обметала слепней с боков.

А в глазах просмоленных плавали

Тени белые облаков.

Совершала природа таинства...
Дед привстал — в окно посмотреть.
— Видно век, слыш ли, мать,
не расстанемся...
Чу! Уходит!
— Кто, милый?
— Смерть...

Что это, что это, братцы мои,
Явь или сон?
Как вдохновенно поют соловьи
В день похорон.
Настежь растворена синяя даль
В утренний час.
С нею соседствуют скорбь и печаль
В жизни у нас.
Как уживаются радость и боль
В сердце моем
С этим вторженьем отчаянных зорь
В черный проем,
Где я стою... Торжествует, звеня,
Солнечный день.
И от судьбы, накрывая меня,
Падает тень...
Что это, что это, братцы мои,
Явь или сон?
Так вдохновенно поют соловьи
В день похорон....

ПАМЯТИ ДЕДА

Подожду. Закурю. Помолчу.
Снова вечер на улице нашей.
Будто слышу за окнами — чу! —
Твой надрывный удушливый кашель.

Пусть гудят провода за окном.
Пусть, как прежде, на зорьке разбудят.
Я не знаю, что будет потом,
Только думаю — горше не будет.

Ты прости, что сухие глаза.
Нет ни боли, ни страха, ни силы.
Ведь не смерть поразила — гроза!
Как ни странно — гроза над могилой.

Землю будто качали, трясли.
Гром гремел и закладывал уши.
...Это ангелы в рай понесли
Твою чистую русскую душу.

* * *

Я погорелец. Я осиротел.
В горстях сжимаю горький пепел дома.
Реликвии семьи...
Я не сумел
Их уберечь от рокового грома.

Неужто все, что в жизни я любил,
Все потерял?
Ни жалости, ни боли.
И только туча, как тяжелый ил,
Взмутила синь и растеклась над полем

И над селом — где каждый новый день
Всем прибавляет и добра, и силы,
Где жители окрестных деревень
Расселены в казенные квартиры.

А в сердце у меня — ни сил, ни слез.
Потрескивают, отражаясь, звезды
В сухих глазах.
Да эхо страшных гроз
Еще хранит пропахший гарью воздух.

Нет деревни. И дом мой сожгли.
Зарастает травой дорога.
Отлучили меня от земли,
Как соборы и церкви — от Бога.

Мог ли, юный, понять я тогда,
Что бескрылой идее в угодую
Оторвали меня навсегда
От земли, от деревни, от рода.

Даже лошадь запрячь не могу.
Никаких не освоил ремесел.
На чужом веселясь берегу —
Я наследство крестьянское бросил.

Жил с надрывом, работал — и вот
На безлюдную родину глядя,
Не пойму — а во имя чего?
Ведь не личной же выгоды ради?

И не сразу. Не скоро. Не вдруг.
После звонкого школьного горна
Слишком поздно я понял, что круг
Моей жизни и смерти разорван...

Здесь дымом из русских печек
Привязано небо к крышам.
Здесь говор гремучих речек
Под толщей снегов я слышу.

Вот тянется через поле
Тропинки пробор глубокий.
Слетаются с криком к школе
На каждый звонок сороки.

А в оттепель в свете лунном
Сосульки под крышей тают,
И белый парок над лункой
Висит, как над чашкой чая.

Здесь с доброй усмешкой люди.
В них вера моя и сила.
Здесь чувства сыновьи будят
Под сенью берез могилы.

И помнится мне не даром
Лесное в июль огнище.
Здесь, в центре Земного шара,
Избы моей пепелище.

Я родился в деревне Попово.
Здесь родная моя сторона.
Если что и осталось святого
В этой жизни — так это она.

Деревенька моя в два порядка —
С пепелищем избы у пруда.
Где холеные дыни на грядках
Нас не баловали никогда.

Где всего триста метров до леса.
А за лесом — край русской земли.
И сюда достижения прогресса
На сегодня еще не дошли.

Заросли тропы звонкие детства —
Только память о них дорога!
Пусть в мое заповедное место
Не ступает чужая нога.

Я родился в деревне Попово...
И мне страшно. (А только ли мне?)
Что так мало осталось святого
На родимой моей стороне.

ВЕНЕЦ ПЯТЫЙ

ПИСЬМО МАТЕРИ

Здравствуй, мама!
Всего лишь два дня,
Как расстались с тобою в палате,
Но уже новостей у меня
На три вечера сказывать хватит.
Вот не знаю, с чего и начать.
Что ни вспомню —
Все важное вроде,
Наш подвал затопило опять,
Но вода постепенно уходит.
А в саду хоть копай — сухота!
Ведь апрель —
Две недели до мая.
Жизнь идет, но другая — не та...
В ней тебя не хватает, родная.
Мы в квартире прибрались.
И все ж
Без тебя в ней давно неуютно,
Без тебя на себя не похож
И отец, постаревший как будто.
Он стирает, готовит обед,
Поливает цветы и рассаду.
И меня поднимает чуть свет.
Нам вдвоем эти хлопоты в радость.
А на пасху с грехом пополам —
Я такого не видывал сроду —
Освятили в Сусанине храм
При великом стеченье народа.
Так что новости есть и у нас.
Но особо-то хвастаться нечем.
До свиданья!

Ложусь —
Поздний час.
О подробностях завтра —
При встрече.

Я тайной страшной тайно мучусь.
И маме лгу, сглотнув комок,—
Мол, потерпи — и будет лучше...
Она в ответ: «Да-да, сынок...»

Боюсь в глаза смотреть, не смею.
Теряюсь сразу, если мне
Приходится надолго с нею
Остаться вдруг наедине.

Нет для меня страшнее муки,
Чем видеть, улыбаясь ей,
Ее безжизненные руки
Поверх казенных простыней.

Печально, горестно и грустно
И чувствовать, и понимать,
Что жизнь моя меняет русло
И поворачивает вспять.

Туда, куда возврата нету,
И где остались навсегда
Изба, наполненная светом,
И несчастливая звезда.

Два часа с тобой наедине —
Горестно, томительно и слезно.
В банке поллитровой на окне
Полыхают, разгораясь, розы.

Что ни день — бледней и тише ты.
Здесь, в палате, за чужим порогом
От мирской отходишь суеты,
Приближаясь к вечности и Богу.

Грустные усталые глаза.
Нежное с веснушками оплечье.
Вешалка в углу — не образа.
Лампочка над дверью, а не свечи.

Ты ли в праздник не ходила в пляс.
Ты ли не молилась во спасенье
И жила, оберегая нас,
От больших и малых потрясений.

Улыбнись же, ласковая, мне!
Каплет, пузырясь, раствор глюкозы.
Ты на койке гаснешь — на окне
Гаснут, догорая, наши розы...

Покой приемный неспокоен.
Кого везут, кого несут.
И чувство странное такое —
Ужель попал на Божий Суд?

Порхают ангелы-сестрички.
Врачи-апостолы стоят.
Одних они живой водичкой,
Других же мертвой окропят.

О сколько, жизнь, к тебе вопросов!
У тех, кто слаб совсем и плох.
И каждый смертный здесь — философ,
А тот, кто выписался — Бог!

Тоска приемного покоя
И с нас сбивает форс и спесь.
И то, что жить на свете стоит,
Мы понимаем только здесь,

Где пахнут старостью одежды
И одиночеством кровать,
Где оставляют нас надежды
И возвращаются опять...

Бледным огнем отыграла заря.
Снова всю ночь ты
Глаза не сомкнула.
Лишь на рассвете,
Забывшись,
Вздремнула.
Доброе утро,
Родная моя!
Тих и не весел
Больничный уют.
А за окошком
Весна разыгралась.
Давят на сердце
Тоска и усталость —
Ни на минуту
Уснуть не дают.
Хочешь поплакать?
Поплачь,
Я пойму.
Пусть растворятся в слезах
Твои боли.
Скоро уж, скоро
Ты будешь на воле
Прежней хозяйкой
В родимом дому.
Дело к поправке.
Доволен и врач.
Скоро опять
После долгой разлуки
Съедутся в гости
И дети, и внуки.
Ты не стесняйся,

Мой ангел,
Поплачь!
Скоро вернемся в родные края.
Грядки вскопаем,
Посадим картошку.
И повторю я,
Присев у окошка,
Доброе утро!
Родная моя!

* * *

Смерть ведет моим пером
По листу бумаги.
За деревней тает гром,
Спрятавшись в овраге.

Ветер буйствует в саду,
В доме пахнет дымом.
И у смерти на виду
Жизнь проходит мимо.

Вот и этот день погас
Под моим окошком.
В доме только двое нас,
Не считая кошки.

Дрябнет вялая рука.
Затухает свечка.
Я еще храбрюсь, пока
Веселится печка.

Брошу белый лист в огонь.
Ручку в угол кину.
С тумбочки возьму гармонь
И меха раздвину.

Убирайся, гостья, прочь!
Уходи, косая!
Я и так дрожу всю ночь,
Как трусливый заяц.

Не пугай меня!
Не трожь!

Не дыши в затылок.
Не подсовывай мне нож
С дюжиной бутылок.

Не зови на помощь гром.
Не садись на шею.
Не води моим пером —
Я и сам умею!..

Весна застыла на нуле.
А жизнь все горше, хуже.
Картошка с хлебом на столе —
Мой холостяцкий ужин.

Бедно и грустно. Тишина.
Не слышно звона рюмок.
Курю на кухне у окна —
Безмолвный и угрюмый.

И слышу, будто бы сквозь сон,
Иль ветер хлопнул дверью?
Принес случайный почтальон
Газеты за неделю.

И снова тихо. Ставлю чай.
И долго пью вприкуску.
И все дела — лежи, читай
О нашей доле русской.

Иль пой за печкою сверчком
О том, что к непогоде
Все замерло перед рывком
И в жизни, и в природе...

★ ★ ★

Вот бежит через поле девчонка
В окруженье счастливых подруг.
Под ногами босыми — поземка
Из ромашек, усыпавших луг.

И взлетают испуганно косы
У нее за спиной на бегу.
И веснушек намасленных россыпь, —
Что сосновых семян на снегу.

Неужели с ней все это было?
Нет, не в мыслях, а впрямь, наяву...
Мать с могилой в обнимку застыла
И, как волосы, гладит траву,

Обессилен от страшного горя.
А в глазах, как живая, опять
К ней дочурка бежит через поле,
Но не может никак добежать...

ПИСЬМО

Под шорохи дождя и ветра,
Когда огонь гудит в трубе,
Приятно вынуть из конверта
Письмо, пришедшее к тебе.

И словно в сказке, с первых строчек,
Приняв знакомый строгий вид
Из-под бровей отцовский почерк
Со мною вслух заговорит.

По существу — без предисловий —
Обскажет, чем и как живет.
Два слова о своем здоровье,
Потом — про сад и огород.

От слов его — легко и просто.
Я вижу сад и дом с крыльцом.
И кажется, что ниже ростом
Я становлюсь перед отцом.

Нет в голосе его упреков.
Надеется, что сам пойму,
Почувствую, как одиноко,
Как тяжело сейчас ему.

Но чем помочь?
Хотя б немножко?
Как в сердце боль его унять?
Ведь там, где спит он, — у окошка
Пустая мамина кровать.

В шкафу пальто ее и платья.
В прихожей зонт и сапоги.
Смогу ли это все принять я?
Сумею ль?
Боже, помоги

Нам пережить утрату эту.
Не знаю, все ли я пойму.
Но если мне покоя нету,
То каково тогда ему?

Когда, закрыв ключом квартиру,
Он под брезентовым плащом
Идет на мамину могилу,
Он все надеется еще.

Еще не может в смерть поверить.
И я боюсь, что он, родной,
Однажды в дом откроет двери
И захлебнется тишиной...

О, боль моя, ты безутешна.
С тобою сладить не могу.
Когда один во тьме крошечной
Я пробиваюсь сквозь пургу.

О, боль моя, ты безответна.
И в добрый час, и в грозовой.
Когда зовешь заблудших к свету —
Они смеются над тобой.

О, боль моя, ты горделива.
Не терпишь жалости и слез.
Ты не кричишь, ты терпелива
И в зной, и в слякоть, и в мороз.

О, боль моя, ты безголоса.
Когда роняет сад листву,
Я вечным мучаюсь вопросом —
Зачем живу?

ИРИНЕ

Как зелень вызывающе ярка.
Как яблони нарядны и пахучи.
Я слышу в кронах вздохи ветерка.
Пора любви — бывает ли что лучше!

А день безумно говорлив и свеж.
Я с каждой птицей в дружеском союзе.
О, время обновления надежд
И сладких романтических иллюзий.

Какая безрассудная пора.
И как до жизни я охоч и жаден.
Как будто все, чем жил еще вчера,
Я жертвую любви высокой ради.

Твоей любви, родимая моя.
Опять нарву в саду букет сирени.
Опять, его вручая, встану я
Перед тобою, нежной, на колени.

И мы замрем под вздохи ветерка
Среди весенних свадебных созвучий,
Где зелень вызывающе ярка
И яблони божественно пахучи!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, родная, за окнами ночь.
Ветры воют.
Спи, моя ненаглядная дочь,
Я с тобою.
Обогрею дыханьем своим
Твой висок я.
И во сне мы с тобой улетим
Ой, высоко!
И сыграет нам месяц-рожок
Песню нашу.
И притопнет плясун-сапожок
И запляшет.
На луне заиграет гармонь
С переливом.
Прилетит к тебе огненный конь
С белой гривой.
За окном никого уже нет.
Гаснут звезды.
Спи, кровинка, спи, ласковый свет,
Уже поздно...

* * *

То примирение, то ссора.
То смех, то слезы, то любовь.
То целый вечер в разговорах,
То вечность целую — без слов.

Так день за днем и год за годом
Проходит жизнь. А мы вдвоем
И в ясный час и в непогоду

Чего-то ждем?

* * *

Ни шумных ссор, ни суеты.
Опять проходит день впустую.
Когда в одной из комнат ты,
То я перехожу в другую.

Так целый вечер и сидим,
Отгородившись друг от друга.
Нам тесно в комнате двоим,
У каждого свой темный угол.

А ночь и звездна, и светла.
Но слова вымолвить не смею.
Пускай уж все сгорит дотла,
А пепел по ветру развею.

О хоть бы сутки отдохнуть
От этих трех холодных комнат.
Уехать бы куда-нибудь
Туда, где нас уже не помнят.

Где пахнет лесом и травой,
Где родничок звенит певуче,
Где не висят над головой
Взлохмаченные ветром тучи...

* * *

У подъезда хромая скамья
Тополиной листвой припорошена.
Нынче худо — и в будущем я
Ничего не предвижу хорошего.

Что теперь происходит со мной?
Не любовью постигнут, а — сплетнями.
И опять не прошли стороной
Ни весенние грозы, ни летние.

Прогремов, отсверкали они,
Ливни с градом на дом наш обрушили.
Перепутались ночи и дни,
Равновесие в сердце нарушили.

Дорогая, родная моя,
Не заладилась жизнь на беду мою.
В мире так неспокойно, а я
День и ночь об одном только думаю —

О тебе. О тебе. О тебе.
И жалея весну уходящую,
Понимаю теперь, что в судьбе,
Кроме прошлого, есть настоящее...

* * *

Ушла, ни слова не сказав,
Лишь искоса взглянула злобно.
Я знаю твой безумный нрав
И то, что ты на все способна.

Ушла. И снова я один.
И снова в дрожь меня бросает.
Вся радость только в том, что сын
Пока ни в чем не обвиняет.

Но я теперь пугаюсь тьмы.
И сына, что, забившись в угол,
Еще надеется, что мы
Заговорим, простив друг друга.

Пусть будет так, как хочет он.
И знаю я, чего он хочет.
Когда б развеялись, как сон,
И эти дни, и эти ночи.

Но хлопоты мои пусты.
Старания смешны и тщетны.
За нами сожжены мосты
И чувства наши безответны.

Никого у меня не осталось.
Ничего не сумел уберечь.
Безысходность в душе и усталость
От поминок, прощаний и встреч.

Все, что было, ушло. И теперь я
До конца своих весен и зим,
Словно пес шелудивый под дверью —
Нелюбим, презираем, гоним.

Не найти мне тепла и уюта.
Оскорбленной любви не вернуть.
Я предчувствую сердцем, как будто
К завершению близится путь.

Растерял я счастливые годы.
И теперь под мерцаньем осин
Жду осенней ненастной погоды,
Жду со страхом, оставшись один.

Ни друзей. Ни жены. Ни соседа.
Сам не знаю, чего я хочу.
На забытой могиле у деда
Посижу, покурю, помолчу...

* * *

Не собрать и не склеить осколки.
Не забыть униженья и зла.
Если было тепло, то недолгим,
Ночь его навсегда унесла.

День прошел —
Мы друг другу ни слова.
Не чужие, но и не родня.
Ты любила меня не такого,
Если только любила меня.

Рухнул мир наш,
Как карточный домик.
Зарастут наши тропы травой.
Что еще остается мне, кроме
Выбрать омут и — вниз головой...

* * *

До дела нету дела никому.
Того гляди — и государство рухнет.
А я затеял вопреки всему
Большой ремонт пятиметровой кухни.

С утра до вечера стучу-пилю.
Не потому, что мне заняться нечем,
Не жизнь свою — так кухню обновлю,
Все на душе тревожной станет легче.

Поправлю для солидности усы!
За ухо карандаш воткну — умело!
Пускай хоть изредка, но видит сын
Отца не на диване, а за делом.

Пускай отцу порадуется дочь.
Пусть у неё появится охота
В семейном деле чем-нибудь помочь —
Когда всем миром — веселей работа.

И вроде — поглядишь со стороны —
Тут ничего особенного нету.
Но муж при деле — радость для жены,
А там, где радость, прибывает свету.

Еще вчера кругом был виноват.
Не оставалось и надежд на счастье.
А нынче жизнь опять пошла на лад
И в доме воцаряется согласие.

Стучу-пилю и — оживаю я! —
От мысли от простой — не от лекарства —
Что кухня... так, но главное — семья
И сила в ней, и слабость государства.

По городу вечернему пройдусь,
Подумаю о жизни и — о прочем.
Я ни дождя, ни ветра не боюсь,
Но жду со страхом наступленья ночи.

Промозглой ночи, северной, когда
Под окнами, как под студеным душем,
Гудят, роняя капли, провода
И держат в напряженье грешну душу.

За те грехи, что на себя взяла,
Те, за которые прощенья нету.
Дождь на дворе, а хочется тепла,
Тьма на земле, и долго ждать рассвета.

Иду по переулку не спеша.
Над головою свет небесный меркнет.
И просится, услышав звон, душа
На исповедь под своды старой церкви.

Вот скоро, через час-другой, опять
Мрак овладеет и душой и миром.
Ну а пока — я вышел погулять
В безлюдном парке, где светло и сыро.

Мой беспорядок. Твой уют.
И ты, так много мне прощая,
Как добрый ангел, жизнь мою
Хранишь, сама того не зная.

Так прогони сомненья прочь,
Моя святая половина.
Спасибо, милая, за дочь,
Спасибо, нежная, за сына.

За боль твою и непокой,
Нравнодушные упреки,
За то, что в жизни непростой
С тобою мы не одиноки.

* * *

Давай поживем не спеша.
Потерпим — хотя бы недолго.
Пусть встанет на место душа,
Давно уже сбитая с толку.

Хоть раз оглядимся вокруг.
Смотри — за деревней, направо
Стога шлемовидные луг
На всю заготовил державу.

Налево петляет река
В кустах серебристой бредины.
И ходят по дну облака
И тают, как белые льдины,

А мы все куда-то бежим
И льем крокодиловы слезы.
Ты вспомни, как были свежи
У нас под окошками розы!

Давай поживем не спеша,
Оставим на время квартиру.
И пусть отзовется душа
На звуки зеленого мира.

Таёт день на глазах — и с тоской
Обхожу я родную окрестность.
Новый будет совсем не такой,
Да и будет ли он — неизвестно.

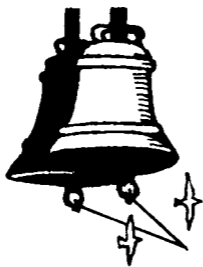
Может, здесь, где желтеющий луг,
Я забуду, любуясь стогами,
Что все больше сомнений и мук
Мне судьба преподносит с годами.

На холме похоронен мой дед.
И с тех пор, очарованный далью,
Я с восторгом встречаю рассвет,
А закат провожаю с печалью.

Вот дорога — и небо над ней.
Все знакомо — ручьи и откосы.
Что ж ответы даются трудней
На обычные вроде вопросы.

День прошел, замер в сумерках
И опять в ожидании ночи
Я о жизни вздохну и о том,
Что она стала на день короче.

ВЕНЕЦ ШЕСТОЙ

* * *

Не время — времечко пришло.
Бери котомку.
На улице светлым-светло,
А я — в потемках.

Не день пришел — пришли деньки
С грозой и ливнем.
На черном омуте венки.
Из белых лилий.

И счет пошел не на года,
А на години.
Не рыба в новых неводах —
Ерши да тина.

И снова будем верить мы
Не в быль, а в сказки.
Свет выхватил из кутерьмы
Не лица — маски.

Легла на грешный мир не тень —
Сошло затмение...
Уйдут деньки. Наступит День
Преображенья!

* * *

Зачмокала капель —
Озноб по коже.
В природе канитель
И в жизни — тоже.

Бескровны небеса.
Зловещи тени.
Настала полоса
Больших сомнений.

Смогу ли превозмочь,
Преодолеть их.
На землю сходит ночь —
Как лихолетье.

* * *

Реже стали деревни.
Стали ниже холмы.
Правит душами гнев
Без надежды на милость.
На глазах друг у друга
Изменились и мы,
Изменился народ,
И земля изменилась.

Неизменно лишь небо
И на нем облака,
Что белесой грядой
Заклубились над полем.
Неизменны тревога
И печаль земляка,
Неизменна его
Несчастливая доля...

* * *

С косыми окнами барак.
Стоит, вкусив кнута и воли.
А в нем живет Иван-дурак
С одной мечтой — о лучшей доле...

Не гудят на столбах провода.
На мысовке не ухаает филин.
Фонари не горят, а тогда
Здесь хозяева справные жили.

Вызревает тревожный закат.
Растворяются в сумерках тени.
Никого не воротишь назад,
Ничего здесь уже не изменишь.

Ничего... Будем живы — авось
Мы наощупь приблизимся к цели.
Мы и вкривь начинали, и вкось,
Мы тонули не раз и горели.

Всяк оплакан у нас и прощен.
Доверяясь вождям и пройдохам,
Мы, наивные, верим еще,
Что не все безнадежно и плохо...

У нас дожди, кругом — вода и грязь.
И каждый день, как серый понедельник.
Стихия эта — страшная напасть
На весь наш род и каждого отдельно.

На пьяного соседа. На меня.
На сына моего, жену и дочку.
И серость наступающего дня
Кого угодно доведет до точки.

До самой крайней доведет черты,
Той, за которой бездна и молчанье,
Той, за которой постигаешь ты
И тайну, и развязку мирозданья.

Теперь в лесу не развожу костров.
И потому я не хожу на зверя,
Чтоб и себя спасти от катастроф
И мир, который жив — в который верю!

Рук не тяну с молитвой к небесам.
Защиты не ищу, не жду прощенья.
Я в этой жизни объявляю сам
Себя на чрезвычайном положении.

Давно не жду ни писем, ни гостей.
Мне надоело ждать и суетиться.
Чего-чего, а слухов, новостей
У нас в глубинке больше, чем в столице.

Полдня толкусь в живых очередях.
Народ угрюм и, вывернув карманы,
Перемывает косточки вождям
И терпеливо ждет небесной манны.

И тайно верит в чудо — НЛО.
Его, когда ни масла и ни хлеба,
Каким-то странным ветром занесло
В разверзшееся северное небо.

Такая вот чудная полоса
И в нашей жизни праведной бывает.
Одна осталась вера — в чудеса.
Чего-чего, а их у нас хватает.

В избытке раздраженности и зла,
Аварий, краж, убийств — но очень мало
И здесь, в глубинке, света и тепла
Того, чего вчера еще хватало...

В ПОЕЗДЕ

Растроены души.
Раздерганы нервы.
На стыках гремят поезда.
Скажи, проводница,
Ты знаешь, наверно,
Откуда мы все
И куда?

Был прежде народ,
А теперь — население.
Живем без царя в голове.
Ждем воли и правды,
А в мыслях сомненье,
И верим вранью и молве.

Все сдвинулось с места.
Все ищем, где лучше.
Живя в разоренной стране.
Молчит у окна
В белой шляпе попутчик
С лицом, отраженным в окне.

Солдатик, остриженный наголо,
Весел.
Бутылка вина на столе.
Легко ли ему —
Молодому повесе?
Что ждет его здесь —
На земле?

Соседка смеется:
— Не жизнь, а гулянье,

Дела наши, видно, плохи...
Старушка в ответ:
— Не житье — наказание...
Другая, крестясь:
— За грехи...

В купе многолюдном
Тревожные лица.
Я сам понимаю уже,
Что с нами должно
Что-то завтра случится,
Коль веры не стало в душе.

Мужик осердился:
— Ой, бабы, не трогай!..
В обиду себя не дадим!
— Нет, милый, не сгинем —
Живем, слава Богу!..
Сижу и завидую им.

В беде терпеливым,
В житье бесшабашным,
Боюсь их —
Во гневе слепых.
И мне почему-то
Становится страшно
За сына,
Себя
И за них...

Страшно на вокзале одному.
Пассажиры хмуры и — похоже
Здесь никто не верит никому
И никто друг другу не поможет.

Не протянет запросто руки.
Не омочит раны после драки.
Заперты в округе на замки
Все дома, и спущены собаки.

В угол бы какой-нибудь залезть.
На перроне сумрачно и сыро.
И такое чувство, словно здесь
Люди никогда не знали мира.

Жили и живут насторожё.
Ни во взгляде теплоты, ни в слове.
И случись, сойдутся на меже
Не разнимешь и не остановишь.

Сушит нас дорожная тоска,
От которой нет уже спасенья.
Долго ли еще у мужика
Хватит на такую жизнь терпенья?

Суббота. Вечер. За окном
Сухие скрипы ржавых петель.
В природе — дождь,
В судьбе — надлом,
В саду с надрывом воет ветер.

Январь. Распутица. Луна.
Дороги зимние раскисли.
Холодный ужин без вина.
А в голове роятся мысли.

Глаза грустны. Виски седы.
Что мне от прошлого осталось?
В душе — предчувствие беды,
А в теле — вязкая усталость.

Все перевернуто вверх дном.
Разлад в семье,
Раздор в народе.
И думы только об одном —
Куда идем?
Куда уходим?

Ты обо мне не говори.
Меня ли только водят за нос?
Кликуши и поводыри
Зовут неведомо куда нас.

Меж нами бродит Сатана,
Меняя платья, лики, маски.
Рассеялись полутона
И заиграли ярче краски.

Белее свет. Чернее тень.
Все было, было.
Все не ново.
Но темень мертвых деревень
Не воскресить волшебным словом.

СЛЕПАЯ

Ум ее окрылял и влек.
Ум был горд и до света жажен.
Но жалел ее и берег
Бог — высокой идеи ради.

Шла наощупь, сбивая в кровь
Босы ноги — на скользких тропах.
Но спасала ее любовь
Перед самым паденьем в пропасть.

И вела между двух огней.
Две стихии в душе мирила.
Слабый духом тянулся к ней,
Рядом с ней набираясь силы.

И не помня обид и зла,
Сострадая чужому горю,
Гордо крест свой она несла
С верой в лучшую нашу долю.

Ум ее прозревал и креп.
Ум был смел и до счастья жажен.
Шла она, раздавая хлеб,
Ради нас и согласия ради...

Лишь беда на порог — ты одна...
Где же, Русь, твоя сила и слава?
Так истерзана ты, так больна
Среди гнева и распрей кровавых.

Даже сын — как бы ни был хорош! —
Не утешит, любя, твою старость,
Если гордости в нем ни на грош,
Если в нем и стыда не осталось.

Он надеждой живет — на авось
И пугается собственной тени.
Отчего же не бить нас поврозь,
Если мы, как рассыпанный веник.

Если истину ищем в вине,
Если косо глядим друг на друга.
Сам себя на родной стороне
Я почувствовал загнанным в угол.

Что осталось от громких побед?
Что в душе сохранили святого,
Если даже раскаянья нет
За распятое тело Христово.

Если больше врагов, чем друзей.
Если все откровенней угрозы.
Стали жить мы и впрямь веселей —
Над собою смеемся сквозь слезы...

Боюсь я бездомных людей,
Когда, затаившись во мраке,
Они от пурги и дождей
Скрываются в темном бараке.

Боюсь я бездомных собак,
Когда обозленные — с лаем
Они в предвкушении драк
Сбиваются в грозные стаи.

Жалею и тех, и других.
И тем, и другим помогаю,
Когда неприкаянных — их
В глухих закоулках встречаю.

Судьба у бездомных одна.
И мы забываем, грозя им,
Что бомжи собачьего дна
Своих повторяют хозяев.

Им вслед усмехаемся мы —
Себе не желая такого.
Но кто от сумы и тюрьмы
На этой земле застрахован?

Опять у пивного киоска,
Где с вечера весело пьют,
Искрят на ветру папироски,
Толпится изломанный люд.

Угрюмо, не радуясь утру,
Молчат и плюют на газон
С таким отвращеньем, как будто
Во всем виноват только он.

Заваленный рыбою столик,
И желтый окурок в траве —
Все их возмущает до боли,
До судороги в голове.

Разбитая кружка в крапиве.
Сорока на гулком столбе.
В такие минуты противны
Они даже сами себе.

И к слову живому глухие,
С литровою банкой в руках
Пивные киоски России
Штурмуют с тоскою в глазах...

ФРОНТОВИК

Сидел старик в пивной — молчал.
Среди людей, чужих и пьяных.
Он звал к себе однополчан
Тех, молодых и безымянных.

И Кольке, другу своему,
Погибшему — хотел поведать,
Не нам, а именно ему
Про жизнь свою после Победы.

Дрожит неверная рука,
Стакан удерживая еле.
Сквозь дым — дыхание ветерка
Седые волосы шевелит.

Я слышал с дальнего стола,
Как о стакан стучали зубы —
Он пил как будто бы со зла,
Ладонью утирая губы...

Уж вроде ко всему привык.
Но к их слезам смогу едва ли.
О чем ты плачешь, фронтовик?
Чем огорчен и опечален?

Зачем так много пьешь вина?
Иль в ком почувствовал измену?
Твоя ли, милый, в том вина,
Что ордена теряют цену.

Похоронил отца и мать.
В земле сырой сыны Отчизны.
И как им, мертвым, рассказать,
За что они отдали жизни...

То зной за окошком, то стужа.
В раздумье «низы» и «верхи».
Все чаще выходят наружу
Сокрытые в прошлом грехи.

Страна — растревоженный улей.
Всяк сущий в ней слышен язык.
И все об одном — обманули!
И дикий тунгус, и таджик.

Друг другу, горячие в спорах,
Бросаем угрозы в лицо.
За то, что взрывали соборы,—
Родных проклинаем отцов.

И стыдно, и больно, и страшно.
Но каяться поздно уже.
Зачем же сошлись в рукопашной
Опять мы на старой меже.

И вновь на родимой сторонке —
Знать, горе не выплакать ей! —
В домах шелестят похоронки
В руках молодых матерей...

Да разве это наша участь
Всю жизнь страдать, любя и мучась,
За что — скажи?
Иль мало было крови-пота,
Иль со всемирного потопа
Живем во лжи?
И ради выгоды-наживы
Мы были, есть и будем лживы,
Деля пирог.
И дети наши будут тоже
В своих грехах на нас похожи —
Спаси их Бог!
...А может, кто-то из пришельцев
Опять устроит свое дельце
За счет меня?
А мы пойдем — без драки биты! —
В монастыри скорбеть и скіты,
Себя виня.
Опять мы будем босы-наги,
Опять на стол придут варяги —
В который раз?!
И бабки — божии овечки —
Дешевые поставят свечки
За падших нас.
Нет, извините — не согласен.
И ты не слушай сказок-басен —
Знай, что почем!
Нет, мы не разучились драться,
Не мы, а нас пускай боятся —
Все, кто с мечом!

Бывают, но редко, такие минуты —
И чаще всего в сентябре! —
Когда на душе так спокойно, как будто
Все стали умней и добрей.

Не выдаст никто. И никто не обманет.
В деревне я с каждым знаком.
У справных хозяев натоплены бани
И пахнет в заулках дымком.

И так хорошо, что не высказать даже.
Ни сплетен, ни ссор, ни обид.
Никто тебе слова дурного не скажет —
У всех жизнерадостный вид.

Бывают такие минуты, но редко.
И все же бывают они!
Когда под окном на рябиновых ветках
Горят и не гаснут огни.

Собака и та без нужды не залает,
Сосед не нахмурится, но
И кто-то мне скажет, что так не бывает...
А быть так, ребята, должно!

Какая тихая земля...
Октябрь — последняя неделя.
Еще не скоро на поля
Сбегутся стаями метели.

Еще гудит в трубе огонь.
И в жилах кровь, а не водица.
Еще застегнутой гармонь
В углу на тумбочке пылится.

Еще шумят в лесах дожди.
И до веселых дней не скоро.
И жизнь, как прежде, впереди,
Хотя давно уже под сорок.

Еще пока жива родня.
И помню всех умерших лица.
Еще есть время у меня
С долгами в жизни расплатиться.

Еще не скоро ляжет снег
На скованные льдом дороги.
Еще не все разрушил век
В краю счастливых и убогих.

Еще не выстыл старый дом.
И кто-то в дверь ко мне стучится.
Еще не скоро грянет гром
И что-то страшное случится...

В реке прибывает вода
И свет заливает округу.
Иду я, не зная куда,
По белому сонному лугу.

Кусты серебристых бредин
Безмолствуют, верные руслу.
Я снова один на один
С моей неразгаданной Русью.

Плывут облака надо мной.
Ни дыма, ни лая, ни птицы.
Пройдет ли беда стороной —
Иль снова гроза разразится?

Восходит луна над холмом —
Худого случится не может.
Беду отвергая умом,
Предчувствую сердцем и кожей.

Покой, будто на волоске,
Над лесом висит и над лугом.
Вода прибывает в реке
И мечется тень над округой...

Штормят ветра. И снежною волной
Захлестывают тропы и дороги.
Раскачиваясь, ходит подо мной
Земля, которую отвергли боги.

И на которой свергли мы богов.
И дали волю дьяволу и бесам.
Гудит пурга. Не видно берегов
И путеводных звезд за темным лесом.

Вот уже отросла и отава.
И для грусти хватает причин.
Мы вчера погуляли на славу,
А сегодня, как рыбы, молчим.

На рассвете грачи улетели.
И по лицам заметно уже,
Что ни капельки бодрости в теле
И ни грамма веселья в душе.

Вот уже на дворе и скотина.
И леса отпылали огнем.
А пейзаж за окошком — былинный!
Только нас не хватает на нем.

Вот уже и гостей проводили.
Не пора ли и мне в стольный град?
Отчего же все медлю я — или
Возвращению к людям не рад?

Вот уже и зима на пороге.
И теперь уж — беда не беда!
По засыпанной снегом дороге
Ухожу неизвестно куда...

. . .

Да это что же в самом деле
За время, выпавшее нам —
Дружины наши поредели,
Молчим и плачем по углам.

И на словах казним друг друга,
И на груди рубахи рвем,
Когда стакан пойдет по кругу
И мы, обнявшись, запоем.

Как по этапу шли на Север
Отцы, судьбу свою кляня.
И столько в нас любви и веры,
И столько страсти и огня!

Все, как один, тогда готовы
Стоять за дело за одно —
Как встарь на поле Куликовом
И в поле у Бородино.

Но только выйдет хмель вчерашний,
Как снова белый свет не мил.
И снова не до рукопашной,
На драку не осталось сил.

И только охи, только ахи.
Кто прав, кто нет — не разберусь.
И снова головы на плахи
Кладем за матушку за Русь.

И вновь стакан звенит по кругу.
Опять в избытке пирогов.

Теперь уже, хваля друг друга,
Разоблачаем мы врагов.

И поминаем добрым словом
Друзей, ушедших в мир иной.
И снова, как один, готовы
Мы постоять за край родной.

...А край родимый жнет и пашет.
И что ему до наших битв.
Не раз он слышал клятвы наши,
Устал от слов и от молитв.

Ему и надо-то немного —
Чтоб зря не тратя добрых сил,
Я у родимого порога
Крапиву летом окосил.

Сменил бы у крыльца тесину.
Срубил жердей на огород.
Чтоб стыдно не было за сына,
Который в городе живет.

Мелькают дни. Летят недели.
То время, выпавшее нам.
Так долго ль будем в самом деле,
Кричать и плакать по углам!?

* * *

День и ночь идут дожди.
Ветры злобствуют осенние.
Ни просвета впереди,
Ни надежд на прояснение.

Испытал я на себе —
Тяжелее нету бремени
Ни в природе, ни в судьбе
Межсезонья и межвременья.

НА ПАСХУ

Не исцелить водой слепцов.
Вновь соловей-разбойник свищет.
Как мало добрых молодцов
Среди юродивых и нищих.

Зато уж нечисти вокруг!
Шипит, кривляется, шаманит.
И сладость слов!
И ловкость рук!
На рынке правят и экране.

И сбитый с толку, верю сам,
Хоть знаю — мало в этом проку! —
Сладкоречивым голосам.
Всех новоявленных пророков.

А белый свет померк. И вновь
Свернула в сторону дорога.
Иль не спасет уже любовь
И не поможет вера в Бога?

Стою на кухне у окна.
И нет надежды на спасенье.
Восходит полная луна
В ночь на святое Воскресенье...

Вот началось.
Вот началось!
В ответ на первые угрозы
Самосожжение берез
Перед нашествием морозов.

И вознеслись. И вознеслись!
С лесных болот большие птицы.
И огласили дол и высь,
И деревушки, и столицы.

О том, что прóбил грустный час,
Что время подводить итоги.
Ну что ж, у каждого из нас
Свои печали и тревоги.

И разошлись. И разошлись!
В кругу друзей года итожа.
И все за жизнь. И все за жизнь!
И за себя, конечно, тоже.

И разнеслась. И разнеслась!
По деревням родным и весям
Вся наша боль, вся наша страсть
В прощально-величальной песне.

Ах, хороши! Эх, хороши!
Бываем мы, когда проходит
Самосожжение души
При сострадательном народе.

Здесь беда поселилась давно.
В этом доме, где сонно и дико,
Пьют дешевое с горя вино,
Голоса надрывая от крика.

— Да-да-да,— забормочет старшой,—
Поскитались по белому свету.
И у нас было все хорошо,
И у нас... А теперь, видишь, нету.

Почему так? Ответ на вопрос.
Отчего — непропащие вроде?
Жизнь, как поезд, пошла под откос,
Кто же стрелки за нас переводит?

И на весь разобидевшись свет,
Ни во что в этой жизни не веря,
Закричит он: «Найди мне ответ!..»
И заплачет. И бросится к двери...

Я случайно попал в этот дом.
И теперь мне покоя не будет.
Оттого, что хозяева в нем
Не чужие, а русские люди.

* * *

В доме напротив зашторены окна.
Ставни надрывно скрипят.
В сад пробиваются света волокна
Гибко, как ножки опят.

В доме напротив — полночная оргия.
Слышатся крики угроз.
Над фонарем наклонилась и сгорбилась
Ночь без луны и без звезд.

Мимо иду, озираясь с опаскою.
Слышу — в который уж раз! —
Как радиола пластинкой затаस्कанный
Хрипло уродует джаз.

В крайнем окошке — дрожу не от холода! —
Девочки маленькой тень,
Словно листок к занавеске приколотый,
Ждет, как спасения, день...

В доме нашем все смешалось.
И в глазах у земляка
Вековая усталость,
Неизбывная тоска.

Отчего же ты невесел?
Почему в дому твоём
Мы с тобой старинных песен
Даже в праздник не поём?

В закромах, как прежде, пусто.
Конь колхозный — стар и тощ.
А в полях, пропахших дустом,
Пепелища белых рощ.

Не гляди на мир с укором.
Усмири свой буйный нрав.
Не вчера залезли воры,
Нас до нитки обобрав.

На груди не рви рубаху.
Не срывай на детях злость.
Знаю, жизнь твоя — не сахар.
А кому легко жилось?

Всем — увы! — несладко, кроме
Тех, жирющих всегда,—
Лишь бы все смешалось в доме,
Лишь бы грянула беда...

У ЧАСОВНИ ИВАНА СУСАНИНА

О славе и подвиге помня,
На солнце горит, как свеча,
У самой дороги часовня
Из красного кирпича.

И крест золотится на солнце.
И осень, разжав кулаки,
В резную решетку оконца
Бросает, звеня, медяки.

Я знаю. Я верю. Я помню.
Я горд за своих земляков.
О, сколько ушло на часовню
Крестьянских святых медяков.

Иной отдавал и последний.
Для общего дела — для нас.
И вот я — законный наследник
Стою у часовни сейчас.

Вхожу — и по телу мурашки!
Я вымолвить слова не мог,
Когда захрустели стекляшки
На мокрых подошвах сапог.

Простит ли беспамятство Бог нам?
Душой обречем ли любовь?
Зияли разбитые окна
И синь в них хлестала, как кровь.

И было так больно и страшно
В безоблачных сумерках дня
За русских же, руку поднявших
На родину и на меня.

Я ни в чем не завидую вам,
Распоясанным духом и телом.
Мало веры высоким словам,
За которыми блеф, а не дело.

Вы привыкли к веселым денькам.
И трясетесь в кафе не от страху.
Вы не знаете цену деньгам,
Убедившись, что деньги не пахнут.

Пустота на душе — от гульбы.
Вам родительский кнут — не угроза.
Даже запах крестьянской избы
Вам противен, как запах навоза.

У безродных и боги свои,
Свой, металлом увешанный, идол.
Что для ваших ушей — соловьи,
Что для глаз ваших — русские виды?

Бог-то знает, как отпрыск убог.
Ждут и вас за церковной оградой,
Где уходит земля из-под ног
И врата разверзаются ада...

ИДУЩЕМУ К ЦЕЛИ

От болот горящих — полумрак.
В чаще леса подвывают волки.
Стая обезумевших собак
На безлюдных улицах поселка.

О, хотя бы раз увидел ты,
Как от дыма задыhalось утро,
Как рождались бледные цветы
Из-под листьев прелых и мазута.

Как в овраге умирал ручей,
Расплетая водяную косу.
Как увязли щупальцы лучей
В едкой глине ржавого откоса.

Но оглядываться не привык
Ты, идущий, как хозяин, к цели,
Даже если высохнет родник,
Облысеют, осыпаясь, ели.

Может, кто другой сойдет с ума.
Ты ж плевать хотел на ахи-вздохи.
У тебя давно в душе — зима
С признаками ядерной эпохи.

Где было дерево, там — пень.
И мысли кру́гом.
О, сколько, сколько деревень
Уже под плугом.

Где сад плодил — торчит пырей.
И ветер в спину.
Часовен сколько и церквей
Лежат в руинах.

Ничто не вечно под луной.
Все в жизни тленно.
И черный ворон надо мной
И свет Вселенной.

Пройдут и этот день, и тот
С грозой над нами.
Но словно молния — сверкнет! —
В нас, смертных, память.

И озарит вокруг меня
И дол, и горы,
Как отблеск вечного огня
Немым укором...

* * *

Много было слез и смеха,
Но уже, как ни крути —
День прошел, оставшись вехой
На неведомом пути.

Ни к чему теперь призывы —
Береги! Даешь! Спасай!
День прошел и все, кто живы,
Затянули пояса.

День прошел — в душе прореха.
Два прошли — пустой карман.
Много будет слез и смеха
Лишь рассеется туман.

И однажды спозаранку
Мне откроется на миг
Безымянный полустанок
И дорожный знак — тупик.

Где, как сосланный, — в опале
Замер пугалом во мгле
Черный призрак светлой дали
На истерзанной земле...

Эх, беда-голова — не остынет.
В толк она одного не возьмет —
Воробья провели на мякине,
А на чем же попался народ?

Сколько было и броских, и разных,
Только вспомнишь — по коже мороз! —
В нашей жизни забав и соблазнов,
А потом потрясений и слез.

Было много и веры, и страсти.
И под флагом великих побед
Обещали нам волю и счастье,
Но ни счастья, ни волюшки — нет!

Нет соблазнов былых и в помине.
Удалось, если сказка не врет,
Воробья провести на мякине.
Только как обманулся народ?

Вот глядим с удивленьем — по-детски! —
Как горит под ногами земля,
Превращается лес в перелески,
А деревни — в пустые поля.

Так и жили — до смертного вздоха
Не виня никого и ни в чем.
Так живем. Но когда очень плохо,
Подставляем державе плечо.

Лишь потом, когда жизнь на исходе,
Понимаем, что там — в глубине
Зреет черная дума в народе
О себе.

О тебе.

Обо мне.

* * *

Ой ты, долюшка-доля моя,
И счастливая ты, и несчастная.
Оторочена ты по краям
Черным цветом по бархату красному.

Ой ты, полюшко-поле мое,
Все вокруг мне знакомо и дорого.
Ощетинилось колко жнивье
Под копытами нового ворога.

Ой вы, речки-речушки мои,
Помню вас не ручьями, а реками.
Не щебечут в кустах соловьи,
Да и слушать их пение некому.

Ой, мои вековые холмы,
Заросли вы ольхой и орешником.
Оттого, что, наверное, мы
От рожденья записаны в грешники.

Ой, святая ты матушка-Русь,
Вволю ты на чужих помотыжила.
За себя я давно не боюсь —
Лишь бы ты не пропала и выжила!

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

Один на всех — зал ожиданья.
Опять битком — ни сесть, ни лечь.
Свидетель горьких расставаний
И радостных коротких встреч.

Кричат младенцы. Дремлют старцы.
И — обращенные ко мне —
Портреты Ленина и Маркса
В массивных рамах на стене.

Не сумрак за окном, а полу.
Не дождь — крупа сечет стекло.
И, залетев погреться, голубь
Встряхнул и выправил крыло.

И в поисках съедобной крошки
Он обошел бесстрашно зал.
И даже вид лохматой кошки
Его нечуть не испугал.

Чего здесь только не увидишь.
И вновь подумаешь о том —
Пусть в тесноте, но не в обиде,
Пускай не сытно, но живем.

* * *

День прошел, как подмигнул.
И опять земля во мраке.
И опять на старый стул
У окна сажусь в бараке.

И гляжу в глухую тьму
Я с тоской веселой, словно
Знаю тайну — почему
В темной комнате светло мне...

Дни, как деньги, бросаю на ветер.
Не считаю их. Ну и пусть!
Как полжизни прошло — не заметил,
Так хоть этому дню удивлюсь.

День как день — с переменной погодой.
Только как — не могу я понять! —
На глазах у честного народа
Он готовится вечностью стать.

Все куда-то спешат — до того ли.
Детский сад, огород, магазин.
И никто этим днем не доволен.
Неужели я только один?

Да и мне его не за что славить.
День как день — без особых примет.
Ни прибавить к нему, ни убавить.
Промелькнет — то ли был, то ли нет.

Сколько их улетело на ветер.
Ни следа после них — ничего!
Как полжизни прошло — не заметил,
Так запомню хотя бы его.

Утро хмурое. Полдень. И вечер.
Облака и туман над рекой.
Оценю, потому что не вечен
Овладевший душою покой.

День прошел, а вспомнить нечего.
И опять себе в упрек
На диван прилягу вечером
И уставлюсь в потолок.

Молча — лежа без движения,
Я себя и всю родню,
Не стесняясь в выражениях,
За такую жизнь казню.

Встречи, слезы, расставания.
Суетимся, а зачем?
Размышляю на диване я
И крыжовник спелый ем.

Не хватает, видно, разума
У меня понять, что сам,
Как веревкой, бытом связан я
По рукам и по ногам.

Год прошел, а вспомнить нечего.
Жизнь пройдет — один итог! —
На диван прилягу вечером
И уставлюсь в потолок...

* * *

Хоть мало в жизни нам дано —
Да много спросится.
Морщинка залегла давно
На переносице.

Гляжу не в даль — по сторонам.
И верю в лучшее.
Так и живем, как будто нам
Грехи отпущены.

И нет прозренья. Силы нет.
Есть лишь отчаянье.
И умираем в сорок лет
Без покаяния.

Уходим, так и не поняв,
Предназначения.
Под шум дождя, под шелест трав
И птичье пение.

Вокруг раздоры, а кругом
Чересполосица.
Пусть не сегодня, так потом
За все с нас спросится.

Давно ли плакал у берез,
Что жизнь прошла во лжи и смуте.
Не понял до седых волос
Призванья своего и сути.

И не теперь — еще тогда,
Не в зрелые — молодые годы
Меня лишили без суда
С отсрочкой на судьбу — свободы.

Я жил чужой судьбой и все ж
В минуты грусти и цветенья
Бросало не от страха в дрожь,
А от любви и вдохновенья.

И вот опять, где ближний лес,
Звенит, налитый солнцем, колос.
И зазвучал опять, воскрес
Во мне почти забытый голос.

И от столба и до столба
Шагаю, думая об этом —
А может, в том была судьба
Писать стихи и быть — поэтом?

. . .

Мне кажется,
Что жизнь моя прошла.
И все, что было,
Не вернется снова.
Всего хватило в ней —
Добра и зла,
Но не было в ней главного —
Основы.

Я думал счастье в том,
А не беда,
Что я,
Воспитанник реки и луга,
Был родом из крестьян,
Но никогда
Не сеял хлеб
И не ходил за плугом.

Прошло с тех пор
Немало зим и лет.
У ног моих
Разбитое корыто.
Мы — не планеты,
Спутники планет,
У нас чужие —
Не свои орбиты...

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Отпущенный век нам —
Печально короткий.
Век добрых и верных,
Но слабых людей.
Сгорало мое поколение
От водки,
Томилось в плену
Скороспелых идей.

Стоим на распутье
У вещего камня.
Направо — болото,
Налево — тупик.
А прямо дорога лежит —
Без названья.
Над ней воронья
Раздирающий крик.

И нету обратной дороги —
Знакомой!
Пускай с колеями
По самую ось.
Туда, где искрит
В желтых скирдах солома
И где нам спокойней,
Чем нынче,
Жилось.
Отпущенный век —
Пусть печально короткий —
Одним на удачу,
Другим на беду.
Не все мы сгорели,

Страдая, от водки,
Не все задохнулись
В угарном чаду.

Мы славили стройки.
Плодили почины.
Мы бились
За хлеб,
За жилье
И за сталь.
Мы следствия путали часто
С причиной,
Душой устремленные
В светлую даль.

Мы двигали горы.
Деревни сселяли.
За нами горели
Леса и поля.
И делали все мы
Не ради медалей,
Ну разве что
Длинного ради рубля.

Мы хлопали дружно
И дружно смеялись.
У нас был и адрес —
Советский Союз.
И, зная всю правду,
Мы правды боялись,
Хоть каждый уверен был в том,
Что не трус.

Не наша беда,
Что устали мы рано.

Не наша вина,
Что мы нынче в тени.
Не наши пророки
Вещают с экрана.
Мы в мире безумном
Остались
Одни.

Одни
Со своими тревожными снами.
Одни
Перед миром и старой избой.
Один на один
Со своими грехами,
Один на один
С непутевой судьбой.

Но только не надо
Жалеть нас,
Не надо!
У нас еще хватит
И воли, и сил.
Хоть много уже
За церковной оградой
Мы вырыли
Сверстникам нашим
Могил.

У нас еще хватит
И слез, и терпенья.
Успеем поведать еще
О себе.
Откликнись же,
Где ты,
Мое поколение,

Мое —
По рождению
И по судьбе.

Друг друга —
Встречаемся! —
Не узнаем мы.
Живем, обучившись,
Прощать и терпеть.
Но главные
В жизни недолгой
Подъемы
И нам предстоит еще
Преодолеть.

Водила нас молодость
В тундру и степи.
И знала, бросая
В пески и тайгу:
Мое поколение
Выдюжит,
Стерпит,
Мое поколенье
Не сдастся врагу.

Нас звали на подвиг,
Трясли в эшелонах.
Нам рты затыкали,
Сводили с ума.
За службу одним —
Золотые погоны.
Другим за строптивость —
Сума и тюрьма.

Куда ни взгляну —
Разоренные гнезда,
Где мы появились когда-то
На свет.
Вернуться бы в них,
Да, наверное, поздно.
Обратно дороги
Для нас уже нет.

Ржаные поля
Перевиты ветрами,
Как судьбы людские,—
И слышится мне
Старинная песня,
Забытая нами,
На выбитой горем
Родной стороне.

На месте веселой гульбы —
Запустенье.
Шуршат лопухи
Между новых могил.
Был короток век
Моего поколенья,
Но главное в том,
Что он все-таки
Был!

У СОФИИ

По ком звонят колокола?
Весть подаешь кому, София?
Как будто слово ей дала
Впервые матушка — Россия.

Звон растревожил сонный мир.
И, удивленье выражая,
Из окон горниц и квартир
Глядят с тревогой горожане.

Колокола — мал и велик,
Не заржавевшие в опале,
Перевели на свой язык
Все наши боли и печали.

София, слышишь, как без слов
Через леса, в убранстве пестром,
Плывет набат колоколов
В края, где живы твои сестры.

Чу! отозвались вдалеке,
Друг друга не перебивая,
Одна на Волхове-реке,
Во граде-Киеве — другая.

И в этом есть великий смысл,
Чтоб на земле не затеряться,
Вот так, наверное, и мы
Должны друг другу откликаться.

* * *

На своей стороне иль на дальней,
Где живешь — у любого спроси,
Отчего так светло и печально
Пела прежде гармонь на Руси.

Оттого, что в ней русская удаль.
И у нас не по ней ли тоска?
Запою-ка я, братцы, покуда
Душу трогает песнь ямщика.

Чтобы завтра и сын мой, и дочка
Понимали, откуда они,—
В наших песнях тоскливые ночи,
Роковые и светлые дни...

И в светлый час, и в дни ненастья
Земля, несчастная моя,
Ты сыновьям желала счастья,
Среди которых был и я.

Твоя ль вина, что в жизни нашей
Не все сложилось и сбылось.
Ты и сама не стала краше
И сыновья кукуют врозь.

Все меньше ладу между нами.
Все слабже между нами связь.
Чего хотим — не знаем сами,
Куда идем — не наша власть.

Земля, дай Бог тебе терпенья.
Я с болью замечал не раз —
Кой у кого в глазах презренье
К тебе, благословившей нас.

К тебе — отравленной, избитой.
К тебе — блуждающей во мгле,
Слезой кровавою умытой —
Единственной моей земле.

Но в светлый час и в дни ненастья
Я рядом — только позови!
И, как вчера, меня — на счастье
Детей моих благослови!

СЫНУ

Пока живешь под синим небом
И не единым только хлебом —

Пока ты в силе!

Храни в душе своей отвагу,
Пока еще к прозренью тягу

Не погасили.

Не возомни, что стал ты лучше,
Чем твой отец, и что научен

Уже всему ты.

Не убоись врага, который

Не раз ввергал народ в раздоры —

Враг любит смуты.

Не устыдись морщин отцовых,

Не отвернись от сирых-вдовых —

Утешь их боли.

Пойми, за что держались деды

И дрались в битвах до победы

На русском поле.

Стремись душой к вершинам горним,

Не по верхам гляди — зри в корень,

Люби сомненье.

И так живи на белом свете,

Как будто ты один в ответе

За поколение.

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Опять оно, мое ретивое,
Болит в предчувствии беды.
Была весна — пора счастливая,
Но были дни большой воды.

Все было, было, было...

Милое,
Я слышу твой неровный стук.
Я так хочу, чтобы хватило нам
С тобою сил на новый круг.

Ты задыхаешься без воздуха.
Легко ли целый день бегом?
Я чувствую — ты просишь отдыха.
Да, будет отдых — но потом.

Потом, родимое, когда-нибудь...
Ты потерпи — всему свой срок.
Не на земле вздохнешь, так на небе —
Пускай же нам поможет Бог!

Пройти и этот круг с достоинством.
Ты на меня не держишь зла
И чувствуешь — мы успокоимся
Тогда, когда сгорим дотла...

Спасибо, одолень-травя,
За силу чувства.
Спасибо, горе-голова,
За безрассудство.

Спасибо, рощи и леса,
За птичье пенье.
Спасибо, девица-краса,
За вдохновенье.

Спасибо, горница-изба,
Поклон порогу!
Спасибо, странница-судьба,
За путь-дорогу.

Спасибо, добрый человек,
За память сердца.
Я остаюсь с тобой навек
Единоверцем.

И вместе жили мы, и врозь.
Спасибо, люди.
А то, что в жизни не сбылось,
Жалеть не будем.

ЧИТАТЕЛЮ

Ни к празднику, ни к дате,
Без лозунгов-идей
Пишу тебе, читатель,
Как жил среди людей.

И как живу. И буду
Я жить, пока дышу.
А если что забуду,
Напомни — допишу.

Слова найду попроще
О том, кто мне помог
Обжить и в доме общем
Свой скромный уголок.

Где кстати и некстати
Черновики я рву,
Когда тебе, читатель,
Пишу — зачем живу...

СОДЕРЖАНИЕ

Дом Владимира Кудрявцева. В. Коротаев	3
ВЕНЕЦ ПЕРВЫЙ	
Мы рубим дом	7
Зимним вечером	8
«Страницы древних книг листая...»	11
«Растопленный, как масло, свет...»	12
В день Победы	13
В сенокос	14
«С вечера подправлена коса...»	15
«Мамка в поле. За хозяйку...»	16
Сивка-Бурка	17
Однажды зимой	18
Уезжай!	20
«Не искушай меня свободой...»	21
«Здравствуй, дед! Вернулся я опять...»	22
На родине	23
Пригородный поезд	24
«Опять вокзал. И подан поезд...»	25
В командировке	26
В гостях	27
Ожидание	28
В Константинове	29
В гостинице	30
В Загорске	31
У могилы Льва Толстого	32
Бородинское поле	33
В старом парке	34
В деревне Никола	35
«Ты спрашиваешь — почему не сплю?...»	35
«Жить легко не могу. Не умею...»	36
«Весной хочу успеть к разливу рек...»	36
«Все решено — сойдет вода...»	37
«Увижу во мгле огоньки...»	38
«Тихий вечер. Под окошком...»	39
«Земля, родная! Никуда не деться...»	40
Безымянная деревня	41

«Рву кислые яблоки с веток...»	42
У заброшенного дома	43
«Утрясены в районе сводки...»	44
Сельская площадь	45
«Сторона ты моя, сторона...»	47
«И повалил под вечер снег...»	48
«А жизнь моя, как дом без кровли...»	49
«День серый поздней осени...»	50

ВЕНЕЦ ВТОРОЙ

«Старый проселок. Иду не спеша...»	53
Подорожники (поэма)	54
«Ты куда ведешь меня, дорога...»	78
«Даль неоглядна, а за далью...»	79
«Дождались и мы — слава Богу!..»	80

ВЕНЕЦ ТРЕТИЙ

«Еще вчера ломило кости...»	83
«Мои любимые минуты...»	84
«Воздух греется, как от жаровни...»	85
«Брошу все и пойду на реку...»	86
«Хорошо на речке одному...»	87
В сквере	88
«Вечереет. Запах диких роз...»	89
«Весенний лес. Какая зелень!..»	90
«В саду под окнами светло...»	91
Свидание	92
У реки	94
«И ночь была светла и звездна...»	95
«Ветреный день — с облаками...»	96
«Топлю в деревне баню...»	97
«Вот и август стоит в полный рост...»	98
«Дело к осени — лист полетел...»	99
«Вдали за рекой на фоне багрового неба...»	100
Подсолнух	101
«Сентябрь — унылая пора...»	102
«Еще не холодно, хотя...»	103
«И все же, осень, ты прекрасна!..»	104
«Тронул утренник ранний траву...»	105

«Опять вокруг запылихало...»	106
«Вода в тазу покрылась льдом...»	107
«Приходи, Зима, и царствуй!..»	108
«Крестьяне спать ложились рано...»	109
«Деревня спит. А вдоль деревни...»	110
Ворона	111
«Повернуло на весну...»	112

ВЕНЕЦ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Мне хорошо, когда на праздник...»	115
«У ног моих лежат столетья...»	116
«Не тобою ль мы в гости званы...»	117
«О жизни нам напоминают мертвые...»	118
«Со стороны глядеть — все просто...»	119
«Дом сгорел. Зарос осокой пруд...»	120
В грозу	121
«Что это, что это, братцы мои...»	123
Памяти деда	124
«Я погорелец. Я осиротел...»	125
«Нет деревни. И дом мой сожгли...»	126
«Здесь дымом из русских печек...»	127
«Я родился в деревне Попово...»	128

ВЕНЕЦ ПЯТЫЙ

Письмо матери	131
«Я тайной страшной тайно мучусь...»	133
«Два часа с тобой наедине...»	134
«Покой приемный неспокоен...»	135
«Бледным огнем отыграла заря...»	136
«Смерть ведет моим пером...»	137
«Весна застыла на нуле...»	140
«Вот бежит через поле девчонка...»	141
Письмо	142
«О, боль моя, ты безутешна...»	144
Ирине	145
Колыбельная	146
«То примирение, то ссора...»	146
«Ни шумных ссор, ни суеты...»	147
«У подъезда хромая скамья...»	148

«Ушла, ни слова не сказав...»	149
«Никого у меня не осталось...»	150
«Не собрать и не склеить осколки...»	151
«До дела нету дела никому...»	152
«По городу вечернему пройдуся...»	153
«Мой беспорядок. Твой уют...»	154
«Давай поживем не спеша...»	155
«Тает день на глазах — и с тоской...»	156

ВЕНЕЦ ШЕСТОЙ

«Не время — времечко пришло...»	159
«Зачмокала капель...»	160
«Реже стали деревни...»	161
«С косыми окнами барак...»	162
«Не гудят на столбах провода...»	163
«У нас дожди, кругом — вода и грязь...»	164
«Давно не жду ни писем, ни гостей...»	165
В поезде	166
«Страшно на вокзале одному...»	168
«Суббота. Вечер. За окном...»	169
Слепая	171
«Лишь беда на порог — ты одна...»	172
«Боюсь я бездомных людей...»	173
«Опять у пивного киоска...»	174
Фронтвик	175
«То зной за окошком, то стужа...»	176
«Да разве это наша участь...»	177
«Бывают, но редко, такие минуты...»	178
«Какая тихая земля...»	179
«В реке прибывает вода...»	180
«Штормят ветра. И снежною волной...»	181
«Вот уже отросла и отава...»	182
«Да это что же в самом деле...»	183
«День и ночь идут дожди...»	185
На Пасху	186
«Вот началось. Вот началось!..»	187
«Здесь беда поселилась давно...»	188
«В доме напротив зашторены окна...»	189
«В доме нашем все смешалось...»	190

У часовни Ивана Сусанина	191
«Я ни в чем не завидую вам...»	192
Идущему к цели	193
«Где было дерево, там — пень...»	194
«Много было слез и смеха...»	195
«Эх, беда-голова — не остынет...»	196
«Ой ты, долюшка-доля моя...»	198
В зале ожидания	199
«День прошел, как подмигнул...»	200
«Дни, как деньги, бросаю на ветер...»	201
«День прошел, а вспомнить нечего...»	202
«Хоть мало в жизни нам дано...»	203
«Давно ли плакал у берез...»	204
«Мне кажется, что жизнь моя прошла...»	205
Мое поколение	206
У Софии	211
«На своей стороне иль на дальней...»	212
«И в светлый час, и в дни ненастья...»	213
Сыну	214
Разговор с сердцем	215
«Спасибо, одолень-траву...»	216
Читателю	217

Литературно-художественное
издание

Кудрявцев Владимир Валентинович

ВЕНЦЫ

Стихи

Художник Э. В. Фролов
Технический редактор Т. И. Чиркова
Корректор В. А. Коротаева

Сдано в набор 02.11.92 г. Подписано в печать 30.11.92 г. Бумага
типографская № 2. Гарнитура журн.-русл. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 8,19. Уч. изд. л. 6,88. Тираж 5000 экз. Зак. 3574.
Цена свободная.

Коммерческо-издательская фирма «Вестник».
160000, г. Вологда, ул. Ленина, 17.

Производственная фирма «Полиграфист».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Зр.

Владимир Валентинович Кудрявцев родился в деревне Попово Костромской области в 1953 году. Закончил сельскую школу, в 1976 году — Ленинградский университет. По профессии — журналист. Работал в Череповце на телевидении, с 1982 по 1988 возглавлял газету «Вологодский комсомолец», сейчас работает начальником управления культуры администрации Вологодской области.

Владимир Кудрявцев печатался в местных и центральных газетах и журналах, публиковался в трех коллективных сборниках, был участником VII Всесоюзного совещания молодых литераторов.

«Венцы» — первая самостоятельная книга.